

Андрей
ЕГОРОВ

ДЮЖИНА
МЕЖГАЛАКТИЧЕСКИХ
МЕРЗАВЦЕВ

Андрей Игоревич Егоров
Дюжина межгалактических мерзавцев

Текст книги предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182471

Аннотация

Чертова дюжина на борту звездолета, летящего в неизвестность. Двенадцать представителей галактических рас - преступников, которым посулили прощение, и федеральный агент, призванный их охранять. С самого начала все пойдет не так. Кто-то из тринадцати окажется убийцей, до поры до времени скрывающим свое истинное лицо и уникальные возможности. А двум бывшим зекам придется спасти Солнечную систему и мир в галактике.

Содержание

Лео Глуц	4
Вельд Красавчик	28
Генеральный штаб командования. Земля	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Егоров

Дюжина межгалактических мерзавцев

Спасибо всем, кто не мешал, или мешал недостаточно качественно.

Лео Глуц

Разрешите представиться. Меня зовут капитан Лео Глуц. Я бы снял перед вами шляпу, только не привык расшаркиваться.

В Южном секторе Галактики я больше известен под именем Лео Гнус. В Северном меня кличут Лео Счастливчик. В восточном – Лео Скоротруп. Там я стараюсь не появляться. Что касается Западного сектора, там меня как только не называют – по большей части, бранными словами. Так уж устроен мир. Либо ты успешен – и у тебя полно врагов. Либо ты неудачник, зато друзей – хоть в рабство продавай.

Как врагам, так и друзьям оскорблений я не спускаю. Если кто-то зарывается – его утихомиривает апперкот с правой. Удар у меня что надо, не извольте сомневаться. Могу успокоить любого сапиенса ¹ на полчаса, а то и на целый час – в зависимости от степени раздражения и градуса в крови.

Власти Федерации преследуют меня с шестнадцати лет. Они позаботились, чтобы избавиться от таких, как я. Поделили галактику на четыре сектора, провели границы, и определили, где в окрестностях Млечного пути пролегает цивилизованный космос, и проживают разумные расы, а где влачат существование полумразумные индивидуумы и отбросы общества. Теперь все, кому не терпится скрыться от закона, могут просто пересечь границы – преследовать их не станут, за кордоном запретов нет. Но, несмотря на то, что власти считают меня мерзавцем и не хотят видеть на своей территории, лично я предпочитаю цивилизованный космос. Здесь у меня дела, здесь все сапиенсы говорят на новоязе ², здесь мне комфортно и интересно жить.

Род моих занятий в последнее время составляла исключительно контрабанда. Вы спросите, как же так получилось? Да просто не повезло. Освоил профессию контрабандиста во время последней отсидки, и после выхода, чтобы заработать денег на подходящий корабль, занялся этой незнакомой для меня деятельностью.

Никогда не делайте то, что не умеете делать. И никогда не полагайтесь на умения тех, кого не знаете. В колонии я познакомился с одним типом – рептилией по кличке Гнусная Морда. Морда у парня, и правда, – не приведи Господь. Если бы меня такой наградили, я бы наверное костерил создателя каждый божий день. Зато в делах обхода таможенных терминалов у Морды был богатейший опыт. Он переправлял через границу оружие, наркотики, левый товар без акцизных марок федерации, забористый алкоголь, вызывающий красочные галлюцинации и потому запрещенный к продаже в цивилизованном космосе, – в общем, все, что можно легко достать за пределами Федерации, но внутри ее границ днем с огнем не сыщешь.

¹ Сапиенс – представитель любого разумного биологического вида.

² Новояз – официальный язык общения в цивилизованном космосе. Им пользуются все разумные расы.

В тот раз все шло, на первый взгляд, очень даже хорошо. Взяли у Большой медведицы крупный груз: двенадцать лазерных бронебойных лучеметов, которыми так славно сбивать полицейские катера, полтонны крэка и сто ящиков напичканного химией абсента для любителей свиданий с зелеными чертями.

Гнусная Морда сидел возле пульта управления и подсчитывал прибыль, выстукивая цифры когтистыми пальцами на именном калькуляторе. Змеиный язычок то и дело вылетал из пасти и мой поделник раздражался каркающим смехом. Так может смеяться только очень алчный мерзавец – какой-нибудь торговец живым товаром или сборщик налогов. Я предавался безделью, слушая Бетховена – мой любимый композитор – и ковырял указательным пальцем в носу. Отчего-то под Бетховена замечательно прочищаются ноздри...

Федералы появились откуда не возьмись. Действовали они быстро и слаженно. Настоящие профессионалы, плавать им в вакууме без скафандра. За несколько месяцев успешной «работы» я успел порядком привыкнуть к покою – все проходило без сучка и задоринки, и потому сильно занервничал. Даже двинул одному полицейскому в харю, так что он рухнул, как подкошенный. Потом Гнусную морду, меня и прочую братию – шесть человек, рептилия и шарообразный немониец – повязали, немного поколотили и защелкнули на запястьях наручники. Над немонийцем федералы застыли, пребывая в легком недоумении, потом погнали бедолагу по стыковочному модулю пинками тяжелых армейских сапог. Он только повизгивал жалобно, не решаясь протестовать – исключительно трусливая раса эти шары.

Меня и остальных потащили следом – на громадный корабль федеральной службы. Эта махина оснащена была, ко всему прочему, фотонными ускорителями. Так что догнать наш катерок для них не составило труда.

И почему, задался я риторическим вопросом, Управление межгалактической полиции швыряет деньги на ветер, оснащая свои суда лучшим и самым современным оборудованием, в то время как обыкновенный контрабандист вынужден круглый год валандаться по космосу в старом залатанном скафандре? А система генерации воздуха на судне у нас была такая старая, что порой не хватало кислорода и хотелось задушить кого-нибудь из контрабандистов, чтобы они меньше дышали...

На корабле федералов нас распихали по камерам, где уже сидели прочие задержанные – для властей рейд вышел очень успешным. Мне досталась одна на двоих камера с желтоглазым лемурийцем. Поэтому я все больше молчал. С этими ребятами надо держать ухо востро – никогда не знаешь, что их выведет из себя. Может, неправильное выражение твоего лица. Или что у тебя все зубы во рту есть.

Времени у федералов было много. И пока мы летели до пересыльной станции, они успели вдоволь нас попрессовать. С самого первого дня начались муторные и жестокие допросы, кто есть кто – то есть кто у нас главный, а кто попроче. Ребята в команде подобрались что надо, настоящее отребье, поэтому сразу сдали нас с потрохами, надеясь на то, что им скостят срок. Гнусная Морда излишним благородством тоже никогда не отличался, и сообщил федералам, будто это я заставил его заняться контрабандой, угрожая расправой. Сам же он – честный гражданин, верит, что каждый должен отвечать за свои проступки, надеется на гуманное правосудие, и никогда, «вы слышите, никогда!», он не пошел бы на такие тяжкие и безнравственные преступления по своей воле. Ему бы просто совесть не позволила.

Все бы ничего, только несколько серьезных сроков, которые Гнусная морда успел к тому времени отмотать за контрабанду, показались властям убедительнее слов. Поэтому именно я пошел как соучастник.

Мы прибыли в созвездие Альдебарана, на пересыльную станцию. Здесь меня зачем-то тщательно обследовал врач. Затем я был определен в одноместную камеру, где мне ничего не оставалось, как дожидаться своей участи. По правде говоря, я и так знал, что она будет незавидной, но чтобы настолько...

Федералы на время оставили меня в покое. Кроме того, как дожидаться корабля сопровождения на суд, делать было решительно нечего. Через пару месяцев я уже стал подумывать о том, чтобы удавиться на шнурках, просто от скуки, когда меня, наконец, пригласил к себе гражданин-начальник. Был он суров и строг, одет в серый костюм-тройку и галстук в белую и синюю полоску – цвета арестантской робы. Точно такие носили зеки по всей Галактике. Должно быть, его забавляло это неслучайное совпадение. Помимо этого «развеселого» господина в кабинете присутствовал важный чин в военной форме – нашивки в виде куриных крылышек и погоны со звездами позволили мне опознать в нем генерала.

Ничего себе шишка, подумал я, интересно, что он тут делает? Но виду, что заинтригован, не подал. Не так я воспитан семьей и школой, чтобы меня могло выбить из колеи появление какого-то там генерал-майора. Я уселся на предложенный стул и положил ногу на ногу.

Он потыкал стилусом в информационный планшет, скривился и вперил в меня zenки. Так смотрят, разве что, голодные арестанты, когда видят перед собой миску с баландой, которую ест кто-нибудь другой, и следователи на допросах. У последних взгляд тренированный. Очень недобрый взгляд. Словно тот, кому он принадлежит, собирается тебя скушать.

– Лео Иванович Глуц, – проговорил следователь-колорист с нескрываемым отвращением.

– Лео Иванович, – подтвердил я, расплылся в улыбке. – Приятно, когда по имени отчеству.

– Прожженный мерзавец, – следователь многозначительно посмотрел на военного.

Тот кивнул. Будто констатировал факт – да, мерзавец, неплохо, очень неплохо. Эта парочка клоунов интриговала меня все больше. Я ума не мог приложить, что им от меня нужно, но они явно что-то затевали. И, скорее всего, что-нибудь нехорошее. Не собираются же они всерьез предложить мне, матерому уголовнику, записаться в ряды доблестных вооруженных сил? По мне, так это уже явный перебор.

– Эй, – сказал я. – А в чем, соб-сно, проблема?

– Проблемы у тебя, парень! – рявкнул следователь. – Ты не хочешь колотиться!

– Предпочитаю портить здоровье алкоголем.

– Нам все известно. Вы везли контрабанду не в первый раз.

– Конечно, в первый, – заверил я. – Черт меня дернул связаться с паршивой контрабандой. В обычное время я занимаюсь благотворительностью.

– И как же она выглядит? Поставляешь наркотики в дошкольные учреждения?

– Зачем?! – С деланной искренностью возмутился я. – Покупаю игрушки для детишек из сиротских приютов. Помогаю стареньким бабушкам совершать покупки в сетевых супермаркетах. Жертвую последние кровно нажитые в фонд зеков, умирающих от произвола тюремных властей. Да мало ли что...

Следователь покраснел от злости. Ничего, к ненависти со стороны правоохранительных органов я давно привык. Что поделаешь. Таков порядок вещей. Моя задача – сделать свое существование как можно более комфортным. Их – ловить таких, как я, и отправлять на длительный отдых. Не на курорт, само собой. Я бы назвал это место антикурортом – здесь здоровье не поправляют, а тратят.

– Послушайте, Глуц, – вмешался генерал. Голос у него оказался глубоким и проникновенным. Такой же был у моего школьного учителя, пока бедолага не выпал из окна.

Помнится, та проклятая контрольная по физике окончательно меня измотала. Мне грозило исключение из школы. И виной всем моим злоключениям был он – проклятый старый крючкотворец. Хотел бы я посмотреть на человека, у которого в моей ситуации хватило терпения не выбросить учителя из окна. К несчастью, старичок выжил. У него оказалось отменное здоровье и крепкие кости.

С тех пор моя жизнь покатила под горку. За старичка-учителя чуть было не упекли в колонию для несовершеннолетних преступников. Самое обидное, что физикой в отличие от других предметов я действительно увлекался. Потом я завалил экзамены в летное училище, связался с дурной компанией и пристрастился к курению пьянящих колосков. Потом стал космическим пиратом и получил первый срок. Освободился уже закоренелым бандитом. А затем выкрашенная в черный цвет шхуна с Веселым Роджером на обшивке – пиратский корабль, где я сделался не просто Лео Глущем, а капитаном Лео Глущем. Поистине веселое было времечко. Мы брали на abordаж грузовые суда от Солнечной системы до самых границ цивилизованного космоса. Не было дня, чтобы мы не отмечали богатую добычу. Правда, порой случались досадные промахи. Как с тем грузовиком, что перевозил конечности андронидов. Но и их удалось загнать по дешевке на Вернере-12. Там у меня имелся один ушлый длинноносый торговец, готовый купить кучу бородавчанской слизи, если только ее можно будет впоследствии выгодно толкнуть.

– Вы слушаете, Глущ?! – рявкнул следователь, возвращая меня из воспоминаний бурной молодости к унылой реальности пересыльной станции.

– Само собой, – пробормотал я.

– У вас есть шанс, Лео. Вы еще можете стать честным гражданином. Для этого нужно совсем немного.

Я поднял на него исполненный удивления взгляд. Я?! Честным гражданином?! Похоже, он плохо ознакомился с моей биографией.

– Вы и другие преступники отправитесь с ответственной миссией за границы Цивилизованного космоса, – продолжал генерал. – Вы ведь частенько бывали там, не так ли?

– Я прожил там несколько лет, – ответил я. – Там у меня много друзей... и женщин.

– Вам будет не до женщин, Глущ! – следователь выглядел рассерженным. – Вы, похоже, плохо слушаете? Вам предстоит важная и опасная миссия. От которой зависит очень многое. Вам следует принять решение...

– Я согласен.

– Погодите соглашаться, выслушайте сначала условия, – вмешался генерал-майор.

– Все лучше, чем рубить породу. Хочу свободы.

– Но вы же не знаете, что вам предстоит...

– Да что вы с ним цацкаетесь! – вмешался следователь. – Это же мразь, человеческий мусор. Вы плохо себе представляете эту публику. Им лишь бы нож кому-нибудь сунуть.

– Обижаешь, начальник, – сказал я. – Я, между прочим, Бетховена слушаю...

– Действительно? – удивился генерал.

Я подтвердил свои слова энергичным кивком:

– Под него так славно в носу ковыряется.

Следователь скривился:

– Все бы тебе паясничать, Глущ. – Он обернулся он к генералу. – С этой публикой надо говорить по-другому. Такие, как этот, понимают только язык силы.

– Я бы так не сказал, – возразил я. – Кнуту предпочитаю пряник, да. А еще лучше – пару пива. Вот тогда бы мы смогли поговорить по-хорошему.

Следователь вскочил со стула и прыгающей походкой направился ко мне.

– Я тебя научу почтению!

Я был наготове. Наблюдал за ним с деланным безразличием. А в тот момент, когда «учитель хороших манер» намеревался своротить мне челюсть набок, я вскочил, ловко ушел вправо и провел отличный свинг, так что весельчак в полосатом галстуке протанцевал несколько забавных па, размахивая руками, как человек, готовый упасть за борт, и врезался в стенной шкаф. Со шкафа немедленно сверзилась массивная ваза и с приятным звуком «дзень» стукнула следователя по темечку, после чего он растянулся на полу, полностью утратив сознание. Как ни в чем не бывало, я снова устроился на стуле, положил ногу на ногу и приготовился слушать.

– Так о чем мы говорили, генерал?

– Именно такой человек нам и нужен! – К моему удивлению военный расплылся в улыбке. – Не берите в голову, Лео, мы замнем этот инцидент. – Он поглядел на неподвижного следователя и потер ладони.

Надо же, запомнил мое имя, подумал я, и возразил:

– Отчего же. Не надо заминать этот инцидент. Он придаст мне уважения в уголовных кругах. А уважение заключенному никогда не повредит. Буду в авторитете.

– Если мы договоримся, в уголовную среду вам возвращаться не придется, – заверил меня генерал.

Это заявление меня насторожило.

– Чего это? – поинтересовался я угрюмо. – Расстреляете, что ли, без суда и следствия? Не имеете права.

– Совсем наоборот, освободим. – Исполненный энтузиазма генерал присел на край стола. – Давайте я вкратце обрисую перспективу, Лео. Вы не против, если я буду вас так называть?

– Не против.

– Дело вот в чем. Мы собираем отряд...

– Отряды и в колонии имеются, – перебил я. – Первый, второй, третий... на каторжные работы.

– Не совсем точно выразился, простите. Мы собираем боевую группу. В задачу этой группы будет входить разведка. Мы должны получить сведения о новой цивилизации, чье присутствие не так давно открыто на самой границе нашей галактики Млечный путь. Нас интересует все. Что это за цивилизация. Станут ли они партнерами человечеству, как раса таргарийцев, рангунов, лемурийцев и многих других, или же они настроены враждебно. Как известно, многие межгалактические расы весьма болезненно воспринимают доминирование людей в Галактике. У рангунов, к примеру, и по сию пору имеются экстремистски настроенные организации, делающие все возможное, чтобы нарушить мир между нашими великими народами.

– Это не новость! – подтвердил я. – Обезьяны всегда считали себя высшей расой.

Генерал поморщился.

– Давайте не будем допускать шовинистические высказывания.

– Давайте, – согласился я. – Я прослежу за тем, чтобы вы их не допускали.

– Я хочу подчеркнуть. В вашу миссию не входит контакт. Для этого у нас есть специальный дипломатический корпус. Вам нужно только осуществить разведку. Узнать, кто они. Как они выглядят. О чем думают. В смысле, какие у них планы... Если миссия окажется удачной, все вы будете прощены.

– Кто это все? – поинтересовался я.

– Все, кто будет включен в боевую группу. Мы намеренно посылаем...

– Отбросы общества, которых все равно не жалко, – предположил я.

– Вы не правы! – горячо возразил генерал. – Да, все разведчики – рецидивисты. Но при этом среди них нет ни одного насильника и убийцы.

– У меня несколько покушений на убийство, пересмотрите личное дело, – посоветовал я. – А что не получилось никого грохнуть, не моя вина. Так сложились обстоятельства. При случае попробую повторить.

– Да-да, вы абсолютно правы. Убийства мы не принимали в расчет. Нам нужны отчаянные и крепкие ребята. Но насильников среди вас нет. Это я могу гарантировать.

– Это успокаивает. Все-таки, с этими парнями мне лететь очень далеко.

– Не беспокойтесь, Лео, вы регулярно будете выходить на связь с центром.

– Я и не беспокоюсь. Не в моих привычках...

Следователь зашевелился, издал слабый стон, пощупал ушибленную челюсть.

– Может, дать ему еще разок по репе, чтобы не мешал нашей беседе? – предложил я.

– Не надо, – генерал поспешил бедняге на помощь, усадил его в кресло, побрызгал в лицо водой из графина.

Я видел множество грубиянов, контуженных моим пудовым кулаком. Следовательно потребуется не меньше получаса, чтобы окончательно придти в себя. Сотрясение мозга, вне всяких сомнений. Челюсть будет месяц, как набитая горячим свинцом. Потом ему полегчает. Если нет перелома. Удар мне ставил сам Сева Зверь, а он в таких делах профи. Однажды пробил кулаком пластиковую переборку на пересылочной станции. За что был лишен обеда и ужина и определен на сутки в карцер. Карцер на пересылке не то, что в колонии, – весьма просторный. В колонии провинившегося арестанта ожидает каменный мешок два на два метра, где уже через сутки взвоешь от тоски и уныния.

– А что еще мне грозит помимо освобождения? – поинтересовался я угрюмо. От притязания особых поблажек ожидать не приходилось. С преступниками власти не церемонились. Я даже не был уверен, что в их планы входило оставить меня в живых. Возможно, они сочтут, что участие в ответственной миссии – и так замечательная награда для уголовного, желающего очистить совесть. Маленькая поправка. Совесть я очищать не собирался. Меня вполне устраивал ее нечистый оттенок.

– Новые документы и небольшая сумма на счету в Центробанке.

– Путевка в жизнь, – я кивнул. Подобный расклад меня вполне удовлетворял. Почему бы и нет. Я давно помышлял о том, чтобы справить себе паспорт на новое имя и свалить куда подальше. От осуществления этого плана меня удерживало только одно обстоятельство – отсутствие крупной капусты. Не то, чтобы я хотел завязать, просто осознавал, что на новом месте меня ожидают более радужные перспективы. Там можно обзавестись собственным звездолетом, командой головорезов, и бомбить торговые суда. – Насколько небольшая сумма? – поинтересовался я.

– Около тысячи рублей.

– Негусто. – За один рейс мы порой брали товара и наличных тысяч на пятьдесят.

– Зато вы получите их наверняка. Наше ведомство не обманывает.

Сомнительное утверждение, но мне хотелось ему верить. В конце концов, свобода в любом случае лучше, чем каторжные работы.

– Глуц, червяк навозный, – пробормотал следователь. Парень оказался крепче, чем я думал. Я никак не ожидал, что он сможет членораздельно изъясняться уже так скоро. – Я тебя с дерьмом смешаю...

– Не надо, – генерал положил контуженному руку на плечо, – мы обо всем договорились с Лео Ивановичем.

Следователь перевел мутноватый взгляд на военного. Глазки у него были, как у запойного пьяницы. Непонятно, понял ли он, что ему говорил генерал.

– Он нам нужен, – мой благодетель усилил давление.

– Я его в порошок сотру...

– Если с ним что-нибудь случится, будете отвечать лично, перед министерством обороны. Вы меня поняли?

Следователь на некоторое время впал в ступор, потом неохотно кивнул. Вернуть в голову в исходное положение оказалось не так-то просто, но он справился. Правда, не с первой попытки...

Меня сопровождали в камеру, где я растянулся на шконке, положил тяжелые ладони под голову и задумался о превратностях судьбы. Еще час назад ее дальнейший ход был вполне очевиден – тюрьма, железная кирка и компания самых отвратительных отбросов общества. Сейчас же я в одночасье обрел подобие свободы, сделался разведчиком, работаю на правительство и должен отправиться к самому краю галактики. Правильно говорят заключенные: «Бог не фраер, он все видит». Новая инопланетная раса появилась как нельзя кстати. Вопрос только в том, откуда она взялась. Я тоже смотрел время от времени стереовидение, и был в курсе некоторых научных изысканий. Млечный путь был обернут оболочкой разреженной плазмы, как сухой паек астронавта вакуумной упаковкой. Если мы, просвещенные сапиенсы, до сих пор не смогли выбраться за границы галактики, то как к нам прорвались эти самые пришельцы? Значит, у них были особые технологии, недоступные пока людям? Тогда понятно, почему правительство так заинтересовано в том, чтобы установить с ними контакт? Нас посылают в качестве подопытных крыс. Неясно, как отнесутся к обитателям Млечного пути пришельцы. Может, у них исключительно враждебные намерения...

С щелчком включился голографический проектор. Два раза в сутки арестантов развлекали криминальной хроникой. Очередное изощренное издевательство властей. Мы вынуждены были наблюдать, как федералы осуществляют захваты кораблей контрабандистов, накрывают притоны и воровские малины, предотвращают налеты на банки и супермаркеты, избивают нашего брата дубинками и тыкают парализаторами под ребра. Голографическую программу я всегда смотрел с нескрываемым отвращением. Но присутствовал и определенный интерес. Я внимательно наблюдал за действиями полиции, используя криминальную хронику в познавательных целях. Вот несколько сотрудников правоохранительных органов выслеживают банду фальшивомонетчиков, идут по следу, расспрашивая продавцов, могут ли они описать человека, сунувшего им фальшивую купюру. Вот круг поиска сужается. И вот уже они поднимаются по лестнице – один остается у подъезда, двое дежурят возле окон. Следует стремительный захват, щелкают парализаторы, кричат, выгибаясь дугой, фальшивомонетчики. Делаем выводы...

Самым забавным эпизодом оказался арест борделя. Федералы волокли под руки полуголых девиц. У одной из одежды были только колготки. Другая и вовсе – натянула на голое тело португепю. Так их и препроводили до катера. С тех пор я ежедневно ожидал, что в криминальной хронике продемонстрируют что-нибудь эдакое, но как назло ни одного публичного дома больше не показали. Зато несколько дней подряд транслировать мой арест. Я выглядел крайне подавленным и даже не пытался сопротивляться. А Гнусная Морда плевал в федералов ядовитой слюной и угрожал им расправой. Сюжет повлиял на меня негативно, и я снова стал подумывать о том, чтобы удавиться на шнурках. Даже приладил их к решетке на иллюминаторе. Тут же появилась охрана, и шнурки отобрали.

Я всегда говорил: жизнь идет слишком стремительно, не успеешь оглянуться – тебя уже обули.

На следующий день криминальную хронику прервал следователь в полосатом галстуке. Он заявился в мою камеру в сопровождении охранника с парализатором. С недавних пор он боялся оставаться со мной наедине. Щека увеличилась в размерах вдвое,

поэтому говорил следователь весьма невнятно. По большей части мычал, угрожающе выпятив челюсть. Выслушав его со всем вниманием, на какое только был способен, я сказал:

– Что? Ничего не понимаю. Говорите яснее!

Следователь пообещал, что жизнь моя будет короткой и страшной, после чего удалился. Охранник напоследок погрозил мне парализатором. А я посоветовал ему и дальше использовать эту штуку не по назначению. У него, дескать, лицо настоящего извращенца, так что сразу понятно, что он с ней делает...

Странное дело, где бы я ни оказался, я везде начинаю вызывать всеобщее неприятие, и даже ненависть. Хотя не предпринимаю для этого решительно никаких шагов. Отчего-то окружающие меня не любят. Иначе с чего бы они прозвали меня Гнусом или того хуже – Лео Полмозга.

Я знал парня, у которого действительно было полмозга – вторую половину он утратил в пьяной драке на Баранбау. Интеллектом парень не блистал, к тому же не помнил события предыдущего дня. Основную часть времени он проводил за карточной игрой, потому что до трагического случая был лучшим шулером в Южном секторе Галактики. Те, с кем он играл, настоящие подонки, пользовались его физическим состоянием. Садясь за игорный стол, каждый из них говорил:

– Только чур, если проиграю, долги отдавать завтра.

И лишившийся половины мозга катала охотно соглашался. А на следующий день все повторялось по новой. В конце концов, он так проигрался, что забросил карты и устроился уборщиком в пивнушку Тедди Жабы. Жалкое зрелище. Бывший шулер вместе с толпой роботов-уборщиков снует по заведению, стараясь навести чистоту. Жаба держал его только из жалости. Хотя, по правде говоря, живой уборщик обходился ему намного дешевле механических. Роботы жрали дорожный керосин, а парень с половиной мозга функционировал на чистом виски пополам с «Жигулевским». Надо ли говорить, что долго он не протянул. Сначала угодил в больницу с белой горячкой. А оттуда его направили в федеральный госпиталь, чтобы испытывать на нем новые лекарственные препараты. Что стало с беднягой дальше, история умалчивает.

Я решил посоветоваться насчет этого дельца с другими пересыльными. Тюремный телеграф работает исправно. Что в колонии, что на станции-распределителе. Достаточно знать специальный код, каким пользуются заключенные, и можно перестукиваться с другими осужденными. Кто владеет информацией, тот владеет ситуацией – так гласит основное правило выживания в уголовной среде.

Я уселся поближе к унитазу, вооружился ложкой и несколько раз ударил по трубе, призывая пересыльных к разговору. Вскоре пришел ответ. За ним другой. И дело пошло.

Чем-то тюремный телеграф схож с обыкновенным сетевым чатом. Только в чате собеседникам требуются глаза, а здесь задействованы уши. Да и темы разговоров в чате редко бывают столь злободневны. Мы по обыкновению обсуждаем только вопросы жизни и смерти.

Вскоре я уже знал, что на пересыльной станции помимо меня находится еще два потенциальных разведчика. Оба они получили аналогичное предложение от властей. Один – уголовник по кличке Красавчик. Рецидивист со стажем, любитель пожилых богатых дев. После того, как он обчистил очередную старушку, парня замели в шестой раз. Репутация в уголовных кругах у Красавчика была самая что ни на есть основательная. На его счету числилось несколько побегов. Все связаны с профессиональной ориентацией: его жертвами стали личный секретарь начальника колонии, повар-гомосексуалист и пилотесса грузового корабля, на котором доставляли продукты. Бывают такие типы в уголовной среде – на них женщины

и им подобные слетаются, как мотыльки на пламя. Признаться, меня всегда это удивляло. Сам я столь восхитительным даром, увы, не владею. Среди моих талантов значится только убойный удар с правой и умение ловко грабить торговые суда. Вот и с контрабандой дело поначалу заладилась, но потом, во время судебных разбирательств, я пришел к выводу, что это не моя стезя. Будь моя воля, я бы немедленно снова стал капитаном Лео Глущем и отправился брать на абордаж крупнотоннажные транспортники.

Второй будущий разведчик носил погоняло Отец. Был он существом глубоко религиозным, исполненным уверенности в собственной миссии. По расовой принадлежности Отец – бородавочник. Эта раса с самого первого контакта вызывала всеобщее отторжение. Выглядели бородавочники поистине отвратительно. Внешне представители этой расы напоминали мешок с отбросами, покрытый с головы до ног мутноватой слизью. Под носом слизь приобретала зеленоватый оттенок, беспрестанно стекая на верхнюю губу, а с губы падая вниз. Гусиные лапищи оставляли следы, поэтому в цивилизованных местах бородавочникам запрещено появляться без специальных бахил, не пропускающих влагу. Вонь от представителей этой расы исходит невообразимая. Поначалу Высокий совет голосовал за то, чтобы признать бородавочников полуразумными, но их достижения в высшей математике и квантовой механике были столь впечатляющи, что лишь у одного члена совета хватило мужества признать их интеллектуально несостоятельными.

Новость, что Отец полетит с нами на одном корабле, стала для меня полной неожиданностью и пошатнула мою уверенность, что я поступил правильно, приняв предложение генерал-майора. Ко всему прочему, этот бородавочник был не простым представителем своей уродливой расы, а священнослужителем. Он имел обыкновение наставлять всех на путь истинный, считая себя подлинным миссионером бородавчанской церкви. Если же кто-либо не желал обращаться в его веру, Отец приходил в жуткую ярость, плевался слизью и пытался поколотить несчастного. Вы когда-нибудь пробовали устроить кулачный поединок с бородавочником? Врагу не пожелаешь. Помимо того, что вы будете с ног до головы покрыты склизким секретом, он непременно плюнет вам в глаз едкой слюной, а плюются бородавочники исключительно метко. После чего ваше зрение на некоторое время станет искажать действительность, а мозг утратит способность здраво рассуждать, потому что в слюне бородавочников содержится токсин, вызывающий галлюцинации. Радости от этого токсина вы не испытаете, а будете чувствовать один только непрекращающийся ужас, длящийся не меньше полутора недель. Обычно жертвы бородавочников видят всех родственников до седьмого колена, которые уговаривают их последовать за ними в могилу. За такие вот «невинные» плевки миссионера-бородавочника по кличке Отец и упекли в первый раз. Сейчас же ему предстояла уже четвертая отсидка. Что он натворил в настоящий момент, даже узнавать не хотелось. Скорее всего, оплевал целую толпу несчастных, не желающих обращаться в бородавчанскую веру.

Покамест мои товарищи по боевой группе внушали одни только опасения. Если Красавчика я еще мог потерпеть, хотя меня всегда раздражали лощеные типчики, то присутствие на борту Отца станет невыносимым испытанием. Поэтому я решил поговорить с генерал-майором, в надежде убедить его не брать на борт бородавочника.

Моим намерениям не суждено было осуществиться. Через охрану мне сообщили, что военный чин уже отбыл со станции – вербовка разведчиков здесь завершена.

Интересно, думал я, чем руководствовались власти, отбирая нас для ответственной миссии. Ну, хорошо, со мной все понятно. У меня отличный удар с правой. Об этом все знают. Да и физическое здоровье отменное. Интеллектом, опять же, я не обделен. Но Красавчик. Знаю я таких типов. Эти тощие, прилизанные субъекты только и умеет, что волокаться за юбками и разводить старушек на деньги. А бородавочник и вовсе – натуральный

фанатик, неспособный здраво рассуждать, мыслящий только о насаждении религии по всей Галактике. Или они полагают, что он сумеет обратить инопланетян в свою бородавчанскую веру, и это поможет дипломатическому корпусу в налаживании контакта?!

Странные вещи творятся. Если бы лично мне поручили набирать экипаж, то я взял бы дюжину крепких парней человеческой расы, – пусть убийц, но не серийных, – целеустремленных, способных свернуть шею любому противнику. Мы бы спустились на одну из планет, взяли пару языков и выбили из них все нужные сведения...

Между прочим, интересный вопрос. Боевой группой ведь кто-то должен командовать. Почему бы не сделать командиром меня? Первым делом мы сбросим через мусоросборник бородавочника, а потом можно взяться за осуществление миссии...

Я уже вовсю строил планы по управлению боевой группой, когда меня снова вызвали к следователю. Охранник буквально скрипел зубами от злости. Ему мучительно хотелось, нажав на кнопку, ткнуть меня парализатором между лопаток, но приходилось сдерживаться. Теперь я не обычный уголовник, а работаю на правительство. Так что будьте добры держать себя в рамках! О чем я ему и поведал. Заодно поинтересовался, как прошла ночь с парализатором. Выразил надежду, что как всегда хорошо.

В отличие от свирепого охранника следователь буквально лучился радостью. Даже ушибленная челюсть не могла омрачить его замечательного настроения. Он улыбался, демонстрируя мелкие желтоватые зубы, и поминутно поправлял полосатый галстук. Словно присутствовал на одном из самых волнительных событий в жизни.

– Лео Ифанович, – проговорил он и жестом предложил занять все тот же злополучный стул.

Меня порядком удивил радужный настрой начальника пересыльной станции, но виду я снова не подал. Сохранил безразличную мину. Сел. Нога на ногу. Приготовился слушать. Охранник кабинет так и не покинул. Получил соответствующие указания – следить, чтобы я снова не выкинул какой-нибудь фортель.

– Как нафэ фдорофье? – поинтересовался следователь.

– Наше?

– Нафэ. Нафэ.

– Спасибо, не жалуюсь. А вы как поживаете?

– Тфепефь уфе лучфе.

– Рад слышать, – заверил я. – Я боялся, у вас перелом. А это, знаете ли, серьезное дело.

– Пфефелома неф. Прифол укаф.

– Что-что? – я сделал вид, что не понимаю ни слова.

Следователь совсем не обиделся, только погрозил мне пальцем, как шкодливому мальчишке.

– Прифол укаф, Глуф, из министерфтва. Фас перефодят в камефу к фафым нофым дфу-фьям.

Я насторожился.

– К каким друзьям? У меня нет друзей.

– А фоф и офыбфя, – следователь задорно рассмеялся и хлопнул себя по ляжкам – такую бурную радость ему доставляло новое указание министерства. – Ф цефях нафафывания конфакта, я фафаю фаф в одну камефу.

– Кого это вас? – переспросил я, судорожно сглотнув слюну.

– Разфедфикоф, фамо фобой.

Тут я наконец понял, что меня ожидает. Вскочил и вскричал:

– Палачи! Сатрапы! Не имеете права!

Эти выкрики заставили следователя расплыться в еще более лучезарной улыбке. Он сделал охраннику жест – уводи.

– Фобифайте фефички, Глущ. Черэф чаф фы буфете ф камефе с бофодафочником. Хе-хе. – Негодяй потер руки.

Провожая меня по коридору из кабинета следователя, охранник насвистывал веселую мелодию. Я тщетно пытался протестовать, требовал соединить меня напрямую с министерством обороны, орал, что отказываюсь быть разведчиком, раз имеет место быть подобный беспредел, но меня уже никто не слушал.

Вскоре меня повели на заклание. Я тащил свернутый в трубочку матрас, а в другой руке держал целлофановый пакет – нижнее белье, зубная щетка, мыло и две сигареты в мятой пачке. Трехместная камера оказалась в самом конце коридора. Она пока пустовала. Я расстелил матрас на нижнем ярусе нар, расположенных вдоль правой стены, уселся и стал ждать.

Следом за мной в камеру втолкнули Красавчика. Выглядел он именно так, как я его и представлял – тонкие черты лица, аккуратные усики и бачки. Мне такие типы никогда не нравились. Впрочем, он и не должен был мне нравиться. Парень вел себя развязно.

– Сердечно приветствую, Лео.

Он протянул узкую ладонь с ухоженными, обработанными пилкой ногтями. Я без энтузиазма пожал ее.

– Значит ты тоже в команде, – сказал Красавчик. – Я рад.

– Правда, что ли?

– Ну да. Ты, вроде бы, хороший мужик.

– С чего ты взял?

Он пожал плечами.

– Так все говорят.

– Врут.

Наглец немного подумал и заявил:

– В принципе, я так и думал... Слушай, Лео, ты не против, если я займу полку над твоей? А бородавочник пусть устраивается напротив.

– Только за. Не хочу, чтобы ночью на меня стекала бородавчанская слезь.

– Вот и я о том же, – у Красавчика сделался озабоченный вид. – Как ты думаешь, будет еще какой-нибудь отбор?... Я имею в виду... не могут же они, и правда, послать с нами бородавочника. О чем они там думают? Не знаю никого, кто согласился бы коротать время в компании бородавочников.

– Я размышлял на этот счет, – решил я поделиться своими соображениями, – похоже, они хотят послать на разведку представителей всех разумных галактических рас. Кто-то может оказаться близок к этим инопланетянам физически и морально. По мне, так лучше бы взяли людей. Люди, по крайней мере, не облажаются. А какой-нибудь обезьяноподобный рангун может сотворить все, что угодно.

– Я не человек, – уточнил Красавчик.

– Как это?

– Смотри сюда, – он отогнул ухо и продемонстрировал жабры. – Я с Кретории. Планета-океан. Слышал о такой? Внешне я, может, и похож на человека. Но внутри у меня все иначе устроено.

– Понятно, – я помолчал, – слышал о таких, как ты, но вижу впервые. Вас, вроде бы, совсем мало осталось...

– После семилетней войны с рангунами, да, – Красавчик погрустнел. – Но сейчас наша популяция растет. Общины имеются и в Солнечной системе, и в созвездии Стрельца.

– Плодитесь и размножайтесь, – пробормотал я, размышляя о том, что с минуты на минуту должен появиться дурно пахнущий религиозный фанатик. От перспективы оказаться в компании с бородавочником делалось тоскливо. – Значит нас уже трое, – сказал я, считая в уме, – человек, креторианец, бородавочник... Еще возьмут рангуна, таргарийца, рептилию...

– Даже школьник знает, что разумных галактических рас ровно дюжина, – поведал Красавчик, – поэтому и полетит двенадцать разведчиков.

– Дюжина межгалактических мерзавцев, – я криво усмехнулся.

– Мерзавцев, – повторил креторианец и разом посерьезнел. – Между прочим, Лео, – сказал он, – я думаю, нам стоит держаться друг друга. Они собрали на борту этого корабля черт знает кого. Я слышал, набрали убийц. Тем более, все мы принадлежим к разным биологическим видам. Наверняка, там будет натуральная свалка. Неизвестно, что произойдет, пока мы долетим до точки. Если мы сейчас заручимся взаимной поддержкой, у нас будет шанс выжить.

– Я тоже кое-что слышал, – я решил, что лучше всего убедить парня в мысли, что я на его стороне. Всегда лучше иметь союзника, чем врага. Еще один довод в пользу такого умозаключения – при случае союзника проще поиметь, чем врага. Враг всегда наготове, а союзник не ожидает удара в спину. – Будем держаться друг друга.

– Я рад, что мы мыслим одинаково... – начал Красавчик, и замолчал.

Мы одновременно услышали звуки, не предвещающие ничего хорошего. Сначала шлепанье гусиных лапиц по полу, а затем попискивание электронного замка. Створка двери отъехала в сторону, и в камеру прошествовала уродливая громадина в черной рясе, двухметровое существо, напрочь лишенное талии и шеи. Несмотря на особенности фигуры осанка его странным образом казалась величавой. Бородавочник по кличке Отец, а это был именно он, при ходьбе переваливался с боку на бок, и все же поступь странным образом отличалась внушительностью. Он вплывал в камеру, как неизбежное зло, словно накатывающее на берег цунами. С его появлением в помещении сразу стало тесно, как будто мы разом оказались в собачьей конуре, к тому же исходящая от него резкая вонь мгновенно отравила весь пригодный для дыхания кислород. Мы с Красавчиком сжались на шконке и наблюдали за сокамерником с отвращением и ненавистью.

– Приветствую вас, дети мои, – пробубльнул Отец низким басом. Когда он говорил, под подбородком подергивались кожные складки, и ходил вверх-вниз массивный кадык, размерами с яблоко.

– Добрый день, – приветствовал его Красавчик, но руки на всякий случай спрятал за спину. Не приведи Всевышний, бородавочник захочет их пожать.

Я поступил точно так же и распахнул пошире рот, чтобы не задохнуться.

Отец огляделся. На двухъярусных нарах уже лежали наши матрасы. Тогда он, вздохнув, бухнул свой на лавку у противоположенной стены и плюхнулся напротив нас. Некоторое время царила тишина. Бородавочник молчал. А меня преследовало стойкое ощущение, что он хочет в меня плюнуть. Если бы только у меня имелись темные очки, я бы немедленно нацепил их, и больше не снимал. Но к несчастью, у меня не было ни темных очков, ни зажима, каким пользуются ныряльщики, ни кислородной подушки – ничего!

Я оглянулся на темнеющий в углу глазок видеокамеры. Представляю, как сейчас веселится проклятый следователь, наблюдая за нашими мучениями. Должно быть, он просто счастлив. Если бы у меня была возможность до него дотянуться, уж я бы постарался на этот раз сломать ему челюсть, желательно в двух местах.

– Думали ли вы о боге? – забубльнул бородавочник. Самые худшие предчувствия начинали оправдываться.

Красавчик беспомощно оглянулся на меня.

Повисла пауза.

– Постоянно думаю, – заговорил я. Дальше тянуть с ответом не было никакой возможности. Бородавочник мог обидеться, и тогда нас ожидало настоящее «веселье». О буйном нраве Отца ходили легенды.

– О боге? – уточнил он.

– О боге, – обреченно ответил я.

– Это же прекрасно, – обрадовался миссионер. – А знаешь ли ты, сын мой, как выглядит бог?

– Сотворен по твоему образу и подобию, – откликнулся я. Кое-что об особенностях бородавчанской веры мне доводилось слышать. Воспринимать этот бред всерьез невозможно, но многие бородавочники свято верят в то, что всевышний сотворен по их образу и подобию, в то время как все остальные религии – ошибочны.

– Да! Да! Да! – Отец пришел в такой восторг, что затряс бугристой головой, и с верхней губы в разные стороны полетели едкие брызги.

– Почему бы нам не поговорить о чем-нибудь другом? – предложил Красавчик. Парень порядком испугался.

– Как ты сказал? – озадачился бородавочник... – Сдается мне, ты омерзительный язычник. – Отец выставил перед собой указательный палец, на котором немедленно повисла мутноватая капля, сорвалась и шлепнулась на пол.

– Я вовсе не язычник, – возразил Красавчик, – просто я не люблю говорить на эти темы. Это личное.

– Теософия – первая из наук. Запомни, грешный сын мой. И повторяй за мной. Бог есть. Он един. И сотворен по образу и подобию бородавочников из праматерии в самом начале времен.

– Может, хватит?! – не сдержался я. – Тебе же ясно сказали, нас это не интересует.

Отец уставился на меня с таким видом, словно только что увидел привидение. Маленькие красные глазки под припухшими мокрыми веками сверлили меня, как пара миниатюрных лазерных дрелей.

– Есть разные типы язычников, – наконец заметил он. – Безобидные, от которых нет никакого вреда нашей вере. Это те, кто пребывает во мраке заблуждений и безбожия. А есть другие. Те, кто склонен к притворству. Делает вид, будто он вместе с Богом, вместе с верой. А на деле только и мыслит о том, как бы разрушить ее устои. Ты лукав, язычник. И тем самым страшен...

Началось, понял я. Мне не улыбалось получить плевков в глаз, но и молотить бородавочника голыми руками – занятие не из приятных. Я огляделся в поисках чего-нибудь тяжелого, чем можно было бы выбить из него дух, но власти пересыльной станции убрали из камер все предметы, способные стать оружием. Тем временем, Отец стал медленно подниматься, продолжая вещать. Он словно возносился к потолку, делаясь все выше и выше, заполняя собой все пространство камеры. Поднял массивные руки и, шлепая лапищами по полу, двинулся ко мне.

– Ну, что? – я обернулся к товарищу по несчастью. – Пришла пора вспомнить то, о чем мы только что говорили...

– Ты... ты хочешь с ним драться? – На Красавчика стало жалко смотреть. Он с тоской поглядел на свои изящные ладони, тщательно выглаженную полосатую арестантскую робу, пригладил прическу и поднялся.

Следом за ним со шконки вскочил я. Сжал кулаки и принял привычную боксерскую стойку.

– Стоять! – скомандовал я. – Или я тебе морду раскрою...

Отец булькнул нечто невнятное, пошевелил губами и неожиданно плюнул. Будь на моем месте кто-то другой, ему бы не поздоровилось, но я всегда отличался великолепной реакцией – увернулся, и плевок угодил в стену, растекся желтоватым пятном.

– Ты нарвался, образина! – прорычал я и кинулся на бородавочника.

– Да-да, точно, – подтвердил Красавчик, но с места так и не двинулся.

Отец развел руки в стороны и в тот момент, когда мой кулак врезался в его омерзительную физиономию, заключил меня в объятия. После чего мы повалились на пол. Эта секунда, вне всяких сомнений, стала худшей в моей жизни. Я бухнулся прямо на бородавочника, и моя одежда немедленно пропиталась его секретом, а лицо оказалось все облеплено едкой слизью. Сияясь вдохнуть хоть немного свежего воздуха, я страшно закричал и рванулся, намереваясь освободиться. Но не тут-то было. Отец держал меня крепко. Да еще приговаривал:

– Я тебя научу смирению, сын мой.

Я принялся изо всех сил дубасить бородавочника по бесформенной физиономии, и вошел в такое исступление, что перестал осознавать себя. Вел себя совсем как безумный лемуриец. Представители этой расы временами тоже впадают в боевой раж и не понимают, что творят. Очнулся я только тогда, когда один из охранников стукнул меня по затылку резиновой дубинкой. Я на мгновение прозрел и тут же отключился... Чтобы очнуться спустя полчаса в пластиковом каземате – карцер пересылочной станции. Острое облегчение – вот, что я ощутил, оказавшись здесь. Главное, тут не было бородавочника.

Я понял, что миссия нам предстоит непростая.

Карцер – отличное место, чтобы переосмыслить всю свою жизнь. Или просто углубиться в воспоминания.

Я вырос на Земле, в простой рабочей семье. Мамаша числилась медсестрой в первой городской больнице, в отделении регенерации органов. То еще отделение. В то время выживал каждый третий. Процесс регенерации был настолько болезненным, что больные стонали двадцать четыре часа в сутки. Обезболивающее помогало слабо. Само собой, такая работа выматывает. Так и вижу сейчас, как мама приходит с работы, – у нее было бледное, вечно утомленное лицо, – вот она снимает в прихожей туфли, опускается на стул и подзывает домашнего робота, чтобы он помассировал ей ступни.

Папа трудился на заводе робототехники в Зеленограде. Вытачивал металлические черепа, куда техники потом пихали электронные мозги. Меня он тоже хотел со временем приспособить к работе на заводе. Считал, что больше я ни на что не способен. Ну да, талантами я не блистал, в школе учился на тройки, а большую часть времени проводил во дворе с приятелями. Казалось, у меня совсем нет никаких интересов. Больше всего меня радовало пустое времяпровождение, когда можно было совсем ничего не делать. То есть совсем ничего...

Обычно мы сидели на заброшенной стройке, на самом верху сорокаэтажного здания, и болтали о всяких пустяках – о футболе, Нинке из третьего подъезда, которая позволяет себя трогать, переехавших в наш дом уродливых сирийских, о вызывающем глюки контрабандном алкоголе, доставляемом на Землю из-за границы Цивилизованного космоса, о пацанах из соседнего района – они иногда приходили к нам, чтобы подраться – всю эту ерунду сейчас даже вспомнить сложно.

У меня был закадычный приятель – Олег Викторов. В отличие от меня у Олега имелся в жизни интерес – он мечтал поступить в летную школу и стать пилотом-дальнобойщиком, водить тяжелые грузовики куда-нибудь к Арктуру или в шаровое скопление Скорпиона. Он частенько притаскивал фотографии межзвездных лайнеров на фоне притягательных космических пейзажей. Постепенно и я втянулся. Мне стало казаться, что профессия пилота – это

то, что мне нужно. Вот только в летную школу меня не взяли – засыпался на экзаменах. Олег же поступил без проблем. Он и в школе учился намного лучше меня.

– Не расстраивайся, Лео, – утешал меня мой друг, – поступишь на следующий год. Позанимаешься немного. Если хочешь, я сам тебя подтяну.

– Пошел ты, – ответил я. Меня обурежала тяжелая обида на весь мир. И еще зависть. Олегу все слишком легко давалось. Его любила Нинка из третьего подъезда, отец выделял ему столько карманных денег, сколько мне и не снилось, и, наконец, он поступил в летную школу и как никто близок к осуществлению своей мечты.

– Ты чего, Лео?..

Я не ответил. А через пару дней завербовался рядовым членом экипажа на грузовое судно, уходящее в дальний рейс. И оказался в компании настоящих подонков. По дороге команда подняла бунт, мы высадились на пустынном плато на одной из малообитаемых планет, где часть груза перенесли на заранее подготовленные корабли.

– Ты с нами, парень, или будешь дожидаться полиции? – поинтересовался один из грабителей, улыбчивый малый с шрамом через все лицо. Он мне нравился своей бесшабашностью и бесстрашием.

– С вами, – ответил я и ринулся навстречу своей судьбе.

Нас повязали уже через неделю. Не знаю, как федералам удалось выйти на наш след, но в одном из кабачков Вернеры-4 власти произвели удачный захват. Тогда я отделался условным наказанием и был отпущен на все четыре стороны, но уже через четыре месяца меня взяли на ограблении грузовика, и загремел на два года в колонию для малолетних преступников. А потом еще раз – уже в настоящую тюрьму.

В очередной раз оказавшись на свободе, я принял твердое решение, больше никогда не попадаться. К тому же, я не хотел больше быть рядовым исполнителем. Я собрал собственную абордажную команду, раздобыв скоростной корабль у одного бедолаги. Тот и не предполагал, что его суденышко арендуют вовсе не с целью перевезти кое-что из одной системы в другую, а для того, чтобы грабить грузовики. Когда он, наконец, понял, с кем имеет дело, то взмолился высадить его на первой же цивилизованной планете, лишь бы не иметь никакого отношения к разбою. Мы отпустили его на все четыре стороны на самой окраине цивилизованного космоса. Раз в три года в эту маленькую колонию, население которой составляли исключительно уродливые сириусяне, наведывался транспортник с Земли. Так что у него были все шансы когда-нибудь снова оказаться среди людей.

Став владельцем межзвездного судна, я развернулся на полную катушку. Лучшие дни в своей жизни я отношу к этому времени. Никогда одиночка не сможет почувствовать, что такое быть в банде. Банда – это братство. Это толпа единомышленников, которая пойдет с тобой до конца. Эти парни всегда подставят в нужную минуту плечо. Но вот спиной к ним поворачиваться не стоит. Могут сунуть нож. Между лопаток.

Добычу сгружали, чаще всего, за границей цивилизованного космоса, на планете, которая на всех картах значилась необитаемой. Там, и вправду, жили только микроорганизмы и наше золото. Я внимательно следил за членами команды. Если кто-то из ребят слишком зарывался, во время очередного рейса я оставлял его караулить склад в скафандре и с баллоном кислорода, рассчитанном на пару часов. Когда мы наведывались на планету в следующий раз, строптивый малый уже давно был тихим жмуриком, неспособным причинить неприятности капитану Лео Глуцу.

В обычное время развлечений у нас было немного – карточная игра и выпивка. Все длительные перелеты от системы к системе мы коротали за покерным столом. И женщин было в избытке на любой планете. В основном, парни пользовались благосклонностью продажных красоток, каких немало за границами цивилизованного космоса. Стоило нам зайти в первый попавшийся дикий космопорт, как вокруг уже кричали: «Посмотрите, кто прибыл!

Да это же сам капитан Лео Глуц со своей командой!» И на шею парням вешались десятки местных шлюх. Далеко не все ради денег – многих привлекал разврат в чистом виде. В порту мы закупали алкоголь и оружие. Торговцы и сутенеры слетались на меня, словно федеральные агенты на засвеченную точку по продаже наркотиков.

Случалось и так, что одна из девушек с ограбленного корабля привлекала внимание кого-то из моих головорезов. Против подобных забав я не возражал. Порой и мне самому оказывалась по душе та или иная пленница. И мне хотелось схватить ее в охапку и затащить к себе в каюту. Но я обычно сдерживался. Не вижу смысла в насилии в любовных делах, если оно не доставляет удовольствия обеим сторонам. Действовал я только в том случае, если девица сама проявляла рвение. Ну, знаете, все эти женские трюки: «Ударь меня! Ударь посильнее!» Может, я и не слишком хорош собой, но мужского обаяния во мне хоть отбавляй: редкая шлюха возражает против того, чтобы позабавиться с самим капитаном Лео Глуцем.

В те времена я брил голову и носил красную бандану, а в ухе массивную золотую серьгу. Выглядел я как человек, способный перерезать горло даже председателю Верховного совета Федерации, если потребуется.

Однажды мы грабили грузовик в созвездии Андромеды. Под угрозой залпа из всех орудий произвели стыковку, ворвались в корабль.

– Лео, – сказал пилот. – Ты?

Он стоял, закрывая собой проход в коридор. Олег Викторов почти не изменился. И я бы, быть может, отпустил его восвояси с грузом, но позади меня шумела абордажная команда, два десятка самых отчаянных парней – они таких вещей, как дружба, не понимают и, что еще важнее, не прощают. Поэтому я грубо оттолкнул бывшего приятеля:

– Посторонись, если хочешь остаться в живых! – Затем обернулся к своим головорезам: – Этого не трогать. Он мне еще пригодится.

С гиканьем и улюлюканьем пираты устремились по коридору. Команду согнали в технические отсеки и там заперли. Груз – несколько тонн концентрированного топлива, подсоединив шланги, перекачали в резервуары нашего корабля. То, что не влезло, расплескали по космосу.

– Значит, вот как, – пробормотал Олег. Он единственный остался на свободе и имел возможность лицезреть разбой. Не знаю, почему я не захотел, чтобы его изолировали с остальными. Может, мне хотелось насладиться триумфом. Мол, погляди старый друг, и я чего-то стою. Но триумфа не получилось. Олег смотрел на меня с таким презрением и ненавистью, что я не выдержал и от души приложил его рукоятью лазерного пистолета по лбу.

Эпизод этот отчего-то навсегда запечатлелся у меня в памяти. Он никак не дает мне покоя. Иногда даже такой человек, как я, оглядывается назад. И тогда я вспоминаю исполненный презрения взгляд друга детства, и мне хочется весь мир стукнуть рукоятью в лоб, чтобы он перевернулся, и я оказался где-нибудь очень далеко...

Грамотно спрятать сокровища – целая наука. Ею должен овладеть любой успешный пират. Помнится, знаменитые разбойники прошлого брата Кукс как-то зарыли на одной планете кучу золота. А капитан Глог, известный своей вороватостью, вырыл сокровище и перепрятал. Оттуда, где он его перепрятал, его утащил капитан Дорган. Из хранилища Доргана золото увел знаменитый Вова Дальнорукий. А сокровища Дальнорукого нашли те же брата Кукс. То-то они удивились, увидев давно потерянные побрякушки. Такой вот круговорот добычи в природе. Вообще же, любой из нынешних пиратов очень много времени проводит не только в грабежах, но и в поиске украденного другими. Многочисленные межзвездные карты с координатами планеты и местности потому и существуют, что пиратских кладов – великое множество. Они зарыты в земле, лежат в пещерах, на океанском дне, болтаются в схронах на орбитах по всей галактике. Капитаны не очень любят наведываться к

своим тайникам, потому что, во-первых, все, кто присутствует в этом рейсе, могут потом сдать своих главарей с потрохами за звонкую монету. А во-вторых, в этот момент они уязвимы, как никогда. И со мной тоже бывали подобные досадные случаи. Но в отличие от многих других пиратов я всегда выходил сухим из воды.

Помню, в очередной раз оказавшись в хранилище, я решил подвести итоги бурной бандитской деятельности. Подсчет средств занял у меня почти двенадцать часов. Я понял, что заработал на свою мечту – собственный корабль, построенный в точности по моей схеме, с огромной каютой капитана, кучей тесных клетушек для остальных членов экипажа, баром, игровым залом и огромным сейфом, куда буду иметь доступ только я один. Вопрос состоял только в том, как мне переправить все эти сокровища поближе к Солнечной системе. Там располагались мастерские, где можно собрать такое чудо, с самовосстанавливающейся обшивкой, форсированными подпространственными двигателями – почти вечный корабль, пронизывающий космическое пространство с невероятной скоростью. Такой не снилась и федеральным судам класса А.

Я решил, привезти банкира и грузовики прямо сюда. На целом ряде планет имеются банки, весьма гибкие в вопросах финансовой морали. Им абсолютно все равно, кто их клиент и откуда взялись деньги. Их интересует только процент, получаемый со сделки.

Я выбрался из хранилища и увидел, что здесь меня уже ждут, все с кислородными масками – на планете не было кислорода. И впереди всех рангун по кличке Шустрый, глумливо улыбается и поигрывает лазерным пистолетом:

– Все, капитан, денежки мы забираем.

Я сразу понял, что к чему. Расстроился, что проглядел предателя. Обычно в таких вопросах я проявлял прозорливость. Я незаметно нащупал за спиной ручку двери, спросил:

– А как насчет меня? Бросите здесь?

– Ты, пожалуй, захочешь мстить. Так что мы с ребятами проголосовали – и решили пустить тебя в расход.

Хлопнула сейфовая дверь.

– Код известен только мне, – сообщил я. – Тому, кто убьет Шустрого, я прямо сейчас отслюнявлю двадцать тысяч.

Долго предатель не мучился. Крутанулся вокруг себя, помахивая стволом, крикнул нечто угрожающее, и погиб, расстрелянный на месте. Новому лидеру мои продажные мерзавцы предпочли проверенного временем капитана Лео Глуца. Они прекрасно знали, что хотя я и космический пират, и мерзавец, каких поискать, и порой бываю очень жесток, но с теми, кто хранит мне верность, честен.

Я спокойно открыл дверь, достал несколько пачек и швырнул убийцам Шустрого.

Всю следующую неделю я потратил на то, чтобы выявить, кто еще, кроме них, принимал активное участие в заговоре против меня. Сразу троих пришлось высадить на пустынных планетах, кишущих хищными рептилиями. Мы здорово позабавились, наблюдая, как предатели бегут по бесконечной равнине, а за ними несется с ревом стая зубастых тварей... Остальных я помиловал. Но наложил штраф – с нескольких последующих грабежей они не получили не копейки. Должен же я был возместить потраченные впустую двадцать тысяч.

Корабль я все-таки заказал и построил. И хотя к тому моменту, федеральная служба стала оснащаться самыми быстрыми звездолетами в галактике, поймать мое небольшое юркое суденышко после очередного разбоя было очень непросто. Чтобы с ограбленного корабля не вызвали федералов сразу после нашего отлета, я придумал остроумный план. Помогли хорошие знания физики. Старичок-учитель хоть и был порядочной сволочью, но кое-что сумел вложить в мою отнюдь не глупую голову.

Прежде чем пройти через стыковочный модуль, я отправлялся в машинное отделение. Там находился электрический щит, от которого тянулись тонкие едва заметные кабели. Хотя разговоры о беспроводном электричестве велись сколько я себя помню, неуловимых глазом человека проводников для переменного тока так и не изобрели. Все эти опыты с бактериями, вырабатывающими электричество, все попытки сделать невидимые глазом элементы проводниками, так ничего и не принесли. Кроме разочарования. Технологии позволяли создать нечто подобное, но производство было настолько дорогим, что строить корабли с беспроводной электрической системой стало бы настоящим безумием. Насколько я понимаю, мы по сию пору использовали технологии «каменного века» – фаза, фаза, ноль. Я вынимал предохранитель – тончайший прибор, реагирующий на любые перепады напряжения, и вколачивал на его место какую-нибудь железяку. Поменяв ноль с фазой, я имел возможность наслаждаться результатом. По всему кораблю перегорали лампы, пылала проводка, к чертовой матери летели целые системы жизнеобеспечения экипажа. Оставив мертвый корабль болтаться в космосе, мы улетали с добычей. Судно без опознавательных знаков найти не так-то просто. Так что у нас была отличная фора. Разумеется, все современные звездолеты оснащаются системами аварийного энергообеспечения. Но для того, чтобы их включить, надо сначала выбраться из запертого помещения. Они срабатывают и самостоятельно – в том случае, если энергоподача прервана на час. Очень удобное правило для таких межзвездных корсаров, как я...

И уже потом я врывался в полутемный пассажирский салон:

– Корабль захвачен. Можете расстегнуть ремни и перекурить, если у кого есть пьянящие колоски!

Приятно почувствовать свободу. Многие, действительно, закуривали, чтобы справиться со стрессом. Некоторым я даже давал прикурить. Особенно, стюардессам. Их намяникоуренные пальчики так и тряслись тряслись. Я вкладывал в них колосок, щелкал зажигалкой:

– Покури, милая. А потом скажи всем, пусть складывают драгоценности и кредитки в мешки. – Вдоль рядов уже шли мои помощники, поигрывая пистолетами и ножами.

Не все грабежи проходили гладко. У меня вошло в привычку после стыковки врываться на корабль вместе с абордажной командой – чаще всего жертвы грабежей сдавались без боя, но случалось и так, что среди них оказывались смельчаки, желающие померяться силой. Из-за этих идиотов порой были жертвы. Ведь сразу же начиналось форменное молотилово – кулачищи так и мелькали, в дело шли и ножи, и кастеты. Огнестрельного и лазерного оружия у наших жертв, как правило, не было – гражданским запрещено носить пистолеты и лучеметы. Спасибо федеральным властям. Так что можно было не опасаться, что нас встретят ружейным залпом. И все же, случались неприятности.

В тот раз мне повезло, я замешкался – стыковка была произведена из рук вон плохо, и я задал трепку пилоту. Поорав на него для острастки и двинув в ухо – не ощутив мой праведный гнев, он ни за что не сделает правильных выводов, я устремился следом за абордажной командой – в нее входили двадцать отборнейших головорезов, мастеров кулачного боя и поножовщины.

Яркая вспышка заставила меня отшатнуться. Дикий вопль огласил стыковочный модуль, запахло паленой плотью, и мимо меня, прикрывая обугленными руками лицо, пробежал один из моих парней. Он рухнул на пол, захлебываясь рыданиями. По нам вдарили из фотонной пушки – защитники груза соорудили ее из запасного сопла.

Увидев, что они натворили, я пришел в дикую ярость. Пятнадцать сапиенсов сгорели заживо в одно мгновение, еще четверо лишились зрения и навсегда остались уродами. Еще с

десяток отделались ожогами разной степени тяжести. У меня самого в глазах плясали искры несколько дней кряду.

– Кто приказал?! – спросил я, хмуро разглядывая стоящих на коленях членов экипажа. Их было всего четверо – больше для сопровождения груза, состоящего сплошь из деталей космических кораблей, не требовалось.

Ответа я не получил. Трое из героической команды пилились в пол, четвертый смотрел мне в глаза, и в его взгляде мне почудился вызов.

– Капитан? – поинтересовался я.

Один из стрелков воровато оглянулся, и я понял, что угадал.

– Капитана тащите на борт, – скомандовал я.

– А остальных за борт? – проявил рвение один из моих людей.

– Пусть помогут нам с погрузкой, а потом оставьте их здесь.

– Отпустим их?! – прохрипел пират с обожженной щекой, ему не терпелось отомстить за свежее увечье.

Я задумался на мгновение.

– Оставьте им отметины на лицах, – мой палец прочертил косую линию на щеке. – Крест на крест. Пусть помнят капитана Лео Глуца и его отчаянных парней.

– Ура капитану! – проорал довольный моим решением пират. Его крик подхватила команда.

Смельчака рывком подняли на ноги и потащили в мой быстроходный корабль. Остальных пинками погнали в трюмы захваченного судна.

Я уже знал, что сделаю с «героем». Таких может исправить только могила... или неволя. Ведь наткнись мы на него во второй раз – и он снова откроет огонь. А, будучи невольником какого-нибудь отвратительного и жестокого существа, он не будет иметь власти, чтобы предпринять что-нибудь эдакое.

Целую неделю я провел на Рандаре, центре работоторговли за границами цивилизованного космоса, пока не подыскал «героя» подходящего хозяина. Бородавочник, смердящий даже не как выгребная яма, а словно целое выгребное озеро, был очень рад заполучить себе в услужение человека, да еще по такой низкой цене. Капитан захваченного судна и здесь проявил самообладание. Лишь пожелал мне напоследок самой страшной смерти.

С тех пор много чего произошло. Неоднократно я был всего на волосок от гибели. Меня били ножом, в меня стреляли, я участвовал в потасковках – один против пяти, шести сапиенсов. Но неизменно оставался жив. И всегда вспоминал добрым словом смельчака капитана. Как знать, быть может, лишь благодаря его проклятью я до сих пор цел и невредим. Значит, время моей чудовищной кончины, которую он мне уготовил, еще не пришло – судьба приберегает для меня нечто действительно кошмарное...

Смерть всегда ходила рядом. Даже в те внешне спокойные недели, когда мы просто летели с добычей к краю галактики, я чувствовал ее зловонное дыхание. Если кто-то скажет вам, что не испытывает страха, либо он лжец, либо сумасшедший. Нормальный человек всегда тревожится по поводу досадных мелочей – к примеру, о том, что тебя могут отравить или зарезать. Смерть может обойтись и без прямого участия сапиенсов, решая твою судьбу.

Далеко не все механизмы на борту космического корабля представлялись мне совершенными с технической точки зрения. Некоторые не могли обеспечить даже элементарную безопасность. Постоянным источником напряжения для меня являлся мусоропровод. Я знал, что кое-кто из команды посмеивается над этим моим пунктиком. И очень напрасно. Страх вовсе не был беспочвенным. Что из себя представляет стандартный мусоропровод на космическом корабле? Вакуумный отсек – помещение в четыре, максимум, шесть квадратных метров, куда ведет герметичный люк. После того, как мусор выброшен, люк задраивается.

Теперь можно нажимать кнопку мусоросброса, расположенную здесь же, на стене. Когда кнопка нажата, нижняя стенка вакуумного отсека открывается, и мусор вытягивает космическая пустота. Казалось бы, что проще, поставить элементарный прибор, который бы обеспечил безопасность экипажа – пока люк открыт, нажатие на кнопку не приводит к разгерметизации отсека. Но нет, почему-то эту простую вещь конструкторы не предусмотрели. Наверное, потому, что под воздействием вакуума, люк мог захлопнуться сам – без посторонней помощи. Но я все время задавался вопросом, а что случится, если в прорезь попадет какой-нибудь предмет, и помешает люку закрыться. Наличие такого предмета привело бы к катастрофе.

А топливные баки? Они были расположены под самой обшивкой. И хотя самовосстанавливающаяся керамическая обшивка выдерживала попадание большинства метеоритов, но случись столкновение с действительно крупным объектом, а такие редко, но все же случались, и топливо сдетонирует. И тогда все мы сгорим за считанные секунды.

В общем, кому-то космос возможно и представлялся безопасным местом. Но если сапиенс мало-мальски разбирался в конструкции космических кораблей, если владел информацией о реальном числе катастроф (эти данные активно замалчивались федеральными властями), ему было ясно, какой опасности, на самом деле, подвергает себя межзвездный путешественник. Ремесло космического пирата – отнюдь не сахар, как кто-то может подумать. И я надеялся со временем сменить револьвер и нож на что-нибудь менее brutальное. Меня устроили бы стакан с коктейлем и девичья грудь.

У тех, кто слушает мою историю достаточно внимательно, наверняка давно созрел вопрос. Как же так получилось, что, в очередной раз освободившись, капитан Лео Глуц оказался абсолютно ни с чем, и занялся контрабандой? Что стало с его хранилищем? Где все богатства, украденные с федеральных судов? И я поведаю, пожалуй, ибо история эта поучительна для тех парней, кто еще не успел узнать, что такое сладкий любовный морок, и чем эти самые светлые чувства опасны для крепкого телом и лишённого предрассудков мужчины.

Предательства бывают разными. Все они в равной степени отвратительны. Но далеко не так горько бывает, когда тебя предаёт какой-нибудь головорез из команды – эта подлость вполне ожидаема. И даже похвальна. Ибо каждый дельный сапиенс хочет загрести себе побольше денег и добиться больше власти. И совсем другое дело, когда ты предан человеком, которому доверял. О женском коварстве слагают легенды, этими историями полнится тюрьма, но неизменно даже самые ушлые самцы попадают на любовную удочку.

Я встретил Лею в притоне на Бермиге и принял поначалу за обыкновенную шлюху. Но стоило мне попытаться ее приобнять, я тут же понял что ошибался. Лея оттолкнула меня и презрительно процедила, чтобы я не распускал руки. Она прошла между столиков и уехала с компанией пиратов. Девушка путешествовала с командой капитана Рекасса – одного из моих главных конкурентов за федеральную собственность. Подозреваю, с Рекассом она делила не только добычу, но и койку. Иначе он не за что не потерпел бы женщину на корабле.

В те времена Лео Глуца уже знали повсюду – слава моя крепла день ото дня. Но Рекассе не было никакого дела ни до меня, ни до моей славы. Сверкнув на меня единственным взглядом, он вцепился в пивную кружку и вылакал ее в считанные секунды до дна.

Я чувствовал себя уязвленным. Да как она посмела отвергать мои ухаживания?! Любая шлюха в этом заведении была бы счастлива, если бы я шлепнул ее по заднице или ущипнул за грудь. Я уселся за дальний столик и потребовал позвать хозяина заведения. Вскоре явился трясущийся от страха таргариец в мокром переднике – он вытирал им барную стойку.

– Садись, – скомандовал я. – Мне нужно тебя кое-о-чем расспросить.

– О чем? Я ничего не знаю.

– Садись и не хами, говорю тебе! – возмутился я. – С тобой хочет переговорить сам Лео Глущ. Ты что же, откажешь мне в разговоре? Тогда я, пожалуй, тебя пристрелю. Такие дела. – И потянул из-за пояса пистолет.

Оказалось, кое-что владельцу притона, все же, известно. Он был столь любезен, что поведал мне все детали о новой подружке Рекасса. Лея путешествовали с ним вот уже несколько месяцев. Поначалу я решил, что он взял ее в качестве добычи с одного из ограбленных кораблей – иногда мы так поступали. Но выяснилось, девушка выразила желание присоединиться к шайке. Такое, хоть и нечасто, но случается. Не всех устраивает жизнь простого труженика – многие хотят получить все и сразу. Да и тяга к приключениям порой пробуждается и зовет в дорогу, несмотря на известную поговорку: «Не ищи приключений на свой зад».

Отправив разговорчивого хозяина за свежей порцией выпивки, я стал с вызовом разглядывать пиратку. Длинные черные волосы, подвязанные темной лентой, контрастировали с белой кожей. Тонкая фигурка с осиной талией и полная грудь – довольно редкое сочетание, особенно, в борделях на окраине цивилизованного космоса. Она определенно волновала меня. Я ее хотел. А если я вознамерился заполучить что-то, или кого-то, значит, это будет моим! Девушка, между тем, не оставляла меня без внимания, а бросала временами игривые взгляды – ее, похоже, забавляла намечающаяся ссора и то, что причиной этой ссоры является она. В некоторых представительницах прекрасного пола роковая масть заложена с юных лет. Вокруг них все время льется кровь, и гибнут в стычках горячие кавалеры.

Хозяин притаскивал все новые кружки с пивом и рюмки с абсентом, я все больше пьянел и горячился. В конце концов, я ударил кулаком по столу, тяжело поднялся и направился к ней. Меня попытался остановить один из моих людей, но я оттолкнул его с такой силой, что он упал, повалив стулья.

Я остановился перед Рекассом.

– Сколько хочешь за эту девку?

Единственный глаз уперся в меня и медленно остекленел, наливаясь гневом. Рекасс был известен по всей галактике своим буйным нравом.

– Она не продается!

– А сколько ты готов заплатить? – вдруг насмешливо поинтересовалась девушка, и яростное око пиратского главаря переместилось на нее.

– Смотря, что ты сможешь мне предложить.

– Свою любовь, – ответила Лея. В этот момент она была очень серьезной. Про капитана, давшего ей приют на судне, девушка успела позабыть. Он сидел, словно его и не было вовсе, пока мы играли в гляделки, и взгляды наши излучали горячую страсть. Во всяком случае, я настолько распалился, что готов был повалить ее на стол прямо здесь.

Рекасс, издав нечто похожее на звериный рык, схватил девушку за волосы, запрокинул голову.

– Твоя любовь принадлежит мне.

Я сделал знак своим сапиенсам, и они стали спешно подтягиваться к столикам. Дело шло к заварушке. Парни из команды Рекасса тоже пришли в движение – один даже схватился за парализатор. Но на нашей стороне было явное численное преимущество. Так что им ничего не светило.

Рекасс был опытным пиратом, надо отдать ему должное, он сумел правильно оценить расстановку сил и сохранить лицо. Продолжая держать девушку за волосы, глухо поинтересовался:

– Ты что-то говорил про деньги?

– Сторгуемся. – Я широко улыбнулся. – Всегда приятно иметь дело с умными и осторожными людьми...

В последующие несколько месяцев капитана Лео Глуца, каким меня знала команда и каким я сам осознавал себя, не стало – я превратился в любовника Лео Глуца. И, словно свихнулся, первый раз в жизни полностью утратив контроль над своими чувствами. Она завладела ими всецело. Я выполнял любую ее прихоть. Мы мотались по космосу от одной планеты-курорта к другой, проводя неделю то на каменистых плато Леновии с ее горячими минеральными источниками, то в Кубуле, валяясь на пляжах у лазурного океана. Мы ласкали друг друга, укрываясь листьями гуаравии на тропическом Степелате. И не жили в бурлящих потоках под водопадами Бервера.

Никто из моих сапиенсов не возражал – не доставало решительности пойти против своего капитана, но недовольство ощущалось. Чтобы подобные настроения не вылились в бунт, я наведаясь в хранилище и назначил им жалование из своих денег. Я разбазаривал все собранные прежде средства, швырял хрусты налево и направо. Я покупал Лее самые дорогие наряды и драгоценности. Лишь бы она и дальше одаривала меня своей благосклонностью. В общем, как все помраченные любовью, лишился рассудка.

А она, царапая коготками мою грудь, нашептывала ночами:

– Мы богаты, Лео? Мы, правда, богаты? А вдруг если с тобой что-нибудь случится? Я боюсь. Я хочу иметь возможность помочь тебе, если тебя вдруг поймут федералы. Я дам им взятку, и тебя отпустят...

Поначалу я еще держался, но потом, поддавшись уговорам, доверил ей и код от хранилища, и магнитный ключ. Я разделил с ней все, чем владел.

А когда меня однажды взяли на Мамбасу – иначе и быть не могло, пираты не шлятся по курортам – она сразу же забыла о своих обещаниях. Никаких взяток прокурорам Лея не давала, она попросту вычистила мое хранилище и вместе с деньгами отчалила на моем корабле в неизвестном направлении. Больше с тех пор я ее не встречал. До меня доходили кое-какие слухи в заключении, но я не очень-то им доверял. Поговаривали, будто ее пристрелил новый любовник – тоже какой-то бандит, она всегда питала слабость к тем, кто не соблюдает букву закона.

Несмотря на то, что она сделала со мной, мне всегда хотелось надеяться, что она жива и здорова. Я не мог желать зла той, с которой испытал столько счастья...

Зато одноглазого капитана Рекасса я встретил в тюрьме. Оказалось, он не забыл о том давнем унижении. На меня напали ночью в камере подкупленные им уголовники. Незабываемое ощущение – проснуться от удара в лицо. Меня повалили на пол и стали избивать. Я кое-как извернулся, схватил сокамерника за ноги и дернул на себя. Пока один бил меня пяткой в затылок, я умудрился отдубасить его упавшего друга так, что тот перестал шевелиться. Хорошо, что у меня на редкость крепкая голова. Потом я, прикрываясь руками, сумел подняться на ноги. И парой точных ударов отправил второго нападавшего в нокаут. Когда он очнулся, я устроил ему небольшой допрос с пристрастием. Он сразу же раскололся, потому что не имел причин скрывать правду, да и лишних зубов у него не было.

Рекассе я не стал мстить слишком жестоко. Рассудив, что он поступил по отношению ко мне вполне гуманно. Мог ведь нанять убийцу. В уголовном мире все решается просто – сунут во сне заточку, и нет человека. А Рекасс всего лишь попросил поколотить меня как следует.

У меня было с собой немного денег. Большинство заключенных тратили свои несчастные гроши на пищевой ларек – единственный на территории колонии. Я же вложил свои скудные финансы в ответное избиение Рекасса.

Когда на прогулке в тюремном дворе мы встретились с ним, оба украшенные бланшами, как орденами, то улыбнулись друг другу, как старые добрые знакомые. На этом конфликт был исчерпан...

Из карцера меня выпустили через сутки. Провели пустынным коридором к душевым. Здесь меня ожидал вонючий дезинфекционный душ. Тугие струи вгрызались в тело, мышцы сводило от холода. После экзекуции мне выдали костюм астронавта – уродливый оранжевый комбинезон с нашивкой Федерации.

Затем меня втолкнули в очередную камеру, где уже находился креторианец.

За будущими разведчиками вскоре должен был прибыть правительственный корабль. Бородавочника от нас с Красавчиком предусмотрительно изолировали. Он сидел за прозрачной перегородкой из пластика и пялился на меня налитыми кровью глазками.

– Интересно, куда нас, – пробормотал креторианец.

– А черт его знает! – откликнулся я. – Неизвестно, где они устроили стартовый модуль. Сначала нас, скорее всего, соберут в кучу и проинструктируют.

– Не хотел бы я лететь вместе с этим, – Красавчик мотнул головой на бородавочника. – Если они действительно решили собрать все галактические расы, нас ожидает веселый полет. Лемурийцы, телекины, бородавочники – те еще ребята...

– Прорвемся! – коротко ответил я. И подумал, что парень, пожалуй, прав.

Лемурийцы. Испытывая ярость, они впадали в боевой раж – состояние, когда не осознавали себя. Это качество позволило их расе выжить в процессе эволюции, среди враждебной фауны. Но делало их присутствие на дипломатических встречах практически невозможным. Для дипломатических миссий среди лемурийцев специально отбирались самые спокойные – те, в которых древние инстинкты находились в спячке. Что касается уголовного мира, то здесь ситуация была обратной – среди лемурийцев попадались самые невыдержанные представители этой галактической расы. Они способны были убить десяток сапиенсов разом, а потом даже и не помнили об этом происшествии.

Телекины. Их называли так из-за способности считывать мысли и внушать образы. Они общались без помощи слов. Речевой аппарат телекинов был настолько примитивен, что они могли издавать только несколько нечленораздельных звуков. В Высшем совете к ним относились с большим недоверием, да и как можно доверять тому, кто может внушить вам свои идеи, выдав их за ваши собственные. Я старался поменьше сталкиваться с представителями этой расы. Это было несложно, учитывая то, что телекины сами держались особняком.

С бородавочниками и так все понятно. К тому же, нам достался худший представитель этого отвратительного племени.

Остальные галактические расы не внушали мне ни опасений, ни отвращения. Условно говоря, с ними можно было сосуществовать. В Солнечной системе давно уже в огромном количестве обитали рангуны, сириусяне, таргарийцы и многие другие. Некоторые из них, как, к примеру, шарообразные немонийцы или насекомоподобные геббы, не относились к гуманоидам, но мыслили почти как люди. Поэтому с ними вполне можно было наладить общение и даже принять в абордажную команду. Хотя лично я предпочитал нанимать людей. Они более предсказуемы. И рацион у них привычнее, и сексуальные предпочтения.

Корабль приземлился на одной из лун, внутри воздушного купола. Шагая по плитам космодрома, я рассматривал стоящий в отдалении приземистый корабль, похожий на выращенную биологами гигантскую муху. У трапа нас ожидала разношерстная толпа. Мы были последними.

Как я и предполагал, здесь были представители всех галактических рас. Страннее всего себя вел сириусянин, размахивал руками и что-то говорил, хотя собеседника перед ним не

было. Телекин оставался неподвижен и загадочен. Лемуриец казался спокойным, но я-то знал, что это только видимость. Рангун рыкнул, обнажив клыки – я ему явно не понравился. Ничего, будет время, узнает меня получше. И тогда я ему не понравлюсь еще больше. Но клыки он показывать больше не будет.

Я мысленно сосчитал миссионеров. Нас оказалась вовсе не дюжина, а ровно тринадцать. Значит, кто-то здесь лишний. И этот кто-то либо человек, либо креторианец, которого сложно на первый взгляд отличить от человека.

Тринадцатый был высок и коренаст. В его лице читалось высокомерие. На всех нас здоровяк смотрел свысока, было заметно, что он нас презирает. Федеральный агент, понял я, его поставили за нами присматривать. А может и для того, чтобы укокошить после того, как дело будет сделано. Надо, чтобы он умер раньше, чем мы завершим миссию.

Тут же явилось удивление. Неужели они не могли законспирировать его получше? Или они нас совсем за кретинов держат? Да нет, не может быть. Вот черт! Меня осенило. Значит, в его задачу входит выдать за федерала меня – и отдать на съедение остальным. Ловко придумано нашими людоедскими властями. Ничего, прорвемся.

Я помахал федералу рукой, демонстрируя расположение.

Он отвернулся – сделал вид, что не заметил моей бьющей через край доброжелательности.

– Нас тринадцать, – поделился наблюдением Красавчик.

– Вижу. – Ответил я. – Это ненадолго.

И, черт побери, я в очередной раз оказался прав...

Вельд Красавчик

Жизнь всегда была ко мне несправедлива. От рождения наделенный массой талантов, неординарным интеллектом и большим обаянием до семнадцати лет я был вынужден владеть самым жалким существованием – ютился в небольшой комнатухе, в пригороде Швардорфа на планете Селена. Сельские пейзажи действовали на меня угнетающе. С раннего детства я мечтал о роскоши каменных особняков, о подпирающих облака небоскребах, богатстве, каким обладали жители Земли, самой дорогой планеты во всем цивилизованном космосе. Я жаждал оказаться в центре цивилизации, стать одним из них, хозяев жизни – респектабельным господином из стереовизора. Я помышлял о том, чтобы иметь собственный парк катеров – только последние модели, способные развивать скорость до шестисот километров в час за пять секунд. Мне представлялись в сладких грезах мои шикарные апартаменты и толпы обнаженных красоток, жаждущих только одного – чтобы я удостоил их своим драгоценным вниманием.

Но мечты оставались мечтами. Я жил с тетей Дагмарой, доброй пожилой женщиной, в деревянном домике, где всего-то и было – три комнаты, терраса и сарай с садовым инструментом. С крыльца открывался красочный вид на обширный водоем. С утра я по обыкновению проходил через столовую, распахивал дверь и нырял в прохладные воды. Погружаясь к самому дну, я ощущал, как меня охватывает покой и уверенность – когда-нибудь я получу все, о чем мечтаю. Я ложился на плоские камни и наблюдал, как течение колышет разноцветные – терракотовые, бурые, зеленоватые – водоросли, а мимо них проплывают косяки медлительных рыб. Их чешуя серебрилась под пробивающимися сквозь толщу воды яркими солнечными лучами. Рыбы шевелили красноватыми плавниками, пучили глупые глаза. Мне нравилось смотреть на рыб. Их неспешный покой действовал на меня умиротворяюще. Мечтатель по натуре, я представлял, что когда-нибудь и я буду также плыть по течению, вяло работая плавниками. Мне не к чему будет стремиться, у меня все будет, и мне останется только одно – подчиниться течению жизни и получать от нее удовольствие.

Тетушка, добрая душа, надеялась, что племянник пойдет по ее стопам и когда-нибудь станет садовником. Она стригла кусты и лужайки всем соседям в окрестностях Швардорфа. Ее приглашали и в богатые усадьбы. В такие дни за тетушкой прилетал катер, и она, прижимая к груди сумку с инструментами, испытывая волнение, спешила к летальному аппарату по гравийной дорожке.

У меня же были совсем другие устремления. Припав к экрану стереовидения, я смотрел сериал за сериалом. Все они показывали жизнь богачей. Благодаря сериалам я сформировал нехитрые представления о жизни в большом мире. Меня привлекали элегантные субъекты в дорогих костюмах, так запросто общающиеся с красивейшими женщинами. Их называли жиголо, альфонсами, коварными соблазнителями... И в этих именовании для меня было столько привлекательности, что я проводил на дне долгие часы, представляя, как вхожу в модный столичный клуб в костюме тройке и шелковом галстуке, ищу глазами *ту самую* даму и подсаживаюсь к ней. В то время я даже помыслить не мог о том, чтобы ухаживать за кем-то. Единственный доступный мне сексуальный объект – креторианка Дара, юное создание шестнадцати неполных лет – не обращала на меня никакого внимания. Справедливости ради надо заметить, что я был весьма невзрачен в те годы. Носил мятые хлопчатобумажные шорты, рваную рубашку навыпуск. Длинные волосы до плеч висели сосульками. У меня не имелось практически никаких сведений о моде, и я даже представить себе не мог, что могу обладать привлекательностью для лиц противоположного пола.

Для начала я решил скопировать стиль одного из киногероев – уложенные гелем волосы, рубашка расстегнута на груди на целых три пуговицы, на ремне сияет золоченая

пряжка, пара безупречных складок на брюках и вычищенные до блеска ботинки говорят об аккуратности их владельца. Я выгреб из копилки все свои скромные сбережения – за пару месяцев удалось набрать всего шестнадцать рублей – и едва не заплакал от жалости к себе. Хватало либо на брюки, либо на шелковую рубашку. Я выбрал второе. Ярко-синего цвета, вся в блестках, она немедленно привлекала внимание. Торговец подмигнул мне:

– Отлично выглядишь, парень!

Его слова обнадежили меня и внушили столь необходимую уверенность. У меня все получится, говорил я себе, главное, не забывать, что теперь я не просто Вельд – мальчишка из пригорода. Я Вельд Красавчик, коварный соблазнитель женщин, роковой мужчина в жизни каждой из них.

Вторым шагом к обретению мечты стала стрижка. Создавать новый имидж в парикмахерской оказалось слишком дорогим удовольствием, поэтому я приобрел баночку с самым дешевым гелем и отправился домой. Там я вооружился садовыми ножницами, и постриг себя сам. Для первого раза вышло очень даже неплохо. А когда я зачесал волосы, используя гель, и глянул на себя в зеркало, то от восхищения едва не задохнулся. На меня смотрел типичный жиголо из кинопостановки. Яркая рубашка расстегнута на груди, волосы аккуратно уложены. Осталось что-то сделать со взглядом. Ему не хватало страсти, бьющего наотмашь темперамента, отличающего настоящего профи от жалкого любителя. После часа упражнений перед зеркалом, я, наконец, добился нужного результата – выработал целых три исполненных вождения взгляда, и решил испытать их на Даре.

Девушку я нашел на берегу озера. Она лежала, погрузив в воду верхнюю половину тела, и смотрела сквозь воду на небо. От ее ушей поднимались к поверхности вереницы пузырьков. Человек, наверное, счел бы ее утопленницей, но я-то знал, что как всякая креторинка Дара дышала под водой. Я подошел, стараясь ступать как можно осторожнее, присел на один из массивных валунов, на берегу их имелось великое множество, и стал ожидать. Не хотелось беспокоить девушку раньше времени.

Она заметила меня и высунула из воды прелестное личико.

– Ты чего? – поинтересовалась Дара.

– Да вот, хотел поговорить.

– О чем?

– Так, ни о чем.

– Ты что, подстригся?

Ее реакция меня порядком разочаровала. Я-то ожидал, что, увидев мое преобразование, девушка падет ниц. Но она не выказала и тени восхищения. Даже не удивилась. Как будто я каждый день расхаживал в яркой шелковой рубашке и с такой аккуратной прической.

Так я впервые узнал, что любовь женщины надо завоевать. Зато если вы завоюете ее, впоследствии можно получить от женщины все, что угодно – ее тело, деньги, помощь в карьерных делах. Пока же женщина остается безразличной, вам остается только одно – бесконечное терпение и постоянная работа по оплетению ее любовными сетями.

– Подстригся, и уложился, – сказал я, трогая прическу. – Тебе нравится?

– Ничего так... – Она подумала: – Необычно.

– Иди сюда, – предложил я, – посидим рядом.

В стереофильмах опытные жиголо часто поступали так – подзывали девушек подойти поближе, а потом хватали их и целовали в засос. Несчастные не могли противиться и немедленно сдавались, подчиняясь мужскому напору. Я собирался поступить также.

И поступил. Ответом мне послужила пощечина. Дара вырвалась из моих недостаточно крепких объятий, подхватила одежду и убежала, бросив напоследок:

– Дурак.

А я остался сидеть на берегу, размышляя, что же я сделал не так. Вроде бы, все было в точности так, как показывали в стереопостановке, но девушка почему-то осталась недовольна, отвесила мне пощечину. Я пришел к выводу, что мне никогда не стать жиголо, для этого у меня недостаточно яркая внешность, да и общаться с женщинами я совсем не умею.

В последующие дни я избегал Дару. Снял шелковую рубашку и убрал в шкаф, вымыл волосы и растрепал их – пусть лежат, как придется. Если мне не быть коварным соблазнителем, так для чего я буду причесывать их каждый день. Так свершилось крушение мое мечты.

А на четвертый день я заметил, что Дара следит за мной. Смотрит из-за изгороди, как я налаживаю робота-землекопа. При этом выражение лица у девушки было странным. Она, как будто, о чем-то размышляла.

По прошествии нескольких лет я научился отличать этот взгляд. Так смотрит только влюбленная женщина. Сугубо практичное существо, как все они, влюбленная женщина долго наблюдает за тобой, взвешивая все за и против. Ей уже очень хочется отдать тебе *все*, но она пока еще не уверена, что поступает правильно. В ней кипит кровь, гормональные приливы заставляют ее краснеть, бледнеть, кусать губы, впиваться ногтями в ладони, но при этом она очень боится, что новое головокружительное чувство приведет ее на самый край. И оно обязательно приведет – за всю долгую карьеру профессионального жиголо я никогда не встречал женщины, способной противиться страсти. Ну, что за прелестные создания эти женщины? Коварства в них хоть отбавляй. А вот здравого смысла – ни на грош.

Я лежал на дне и рассматривал рыб, как неоднократно поступал раньше. Только на этот раз все было по-другому. Косяк заметался и исчез, а я увидел, как через толщу воды ко мне плывет, красиво разводя тонкие руки, Дара. Ее светлые волосы то оплетали лицо, то после очередного гребка улетали назад. Девушка подплыла ко мне совсем близко и припала поцелуем к моему рту. Я ощутил, какие теплые и мягкие у нее губы и мгновенно влюбился – до этого я ровным счетом ничего не чувствовал. Меня заботил только процесс соблазнения, этот тайный акт порабощения существа женского пола, столь волнующий и настолько же сложный. Хотя я умел дышать под водой, но внезапно едва не задохнулся от нахлынувших на меня чувств. Я сделал это, я сумел влюбить в себя женщину! Значит не все потеряно.

Мы обнялись и, кружась, поплыли к поверхности. Я продолжал целовать ее. Она была значительно ниже ростом, и ей приходилось запрокидывать голову. Благодаря этой позе, у нее был незащищенный и податливый вид. И я бесконечно пил ее, наслаждаясь вседозволенностью.

На берегу мы продолжили ласки. Я действовал решительно, уже не опасаясь, что Дара меня оттолкнет.

В этот раз ничего не произошло. Зато происходило потом. Когда я под покровом ночи крался через темный участок, перебирался через изгородь и залезал в окно ее комнаты. С некоторых пор оно всегда было открыто – Дара ждала меня, своего первого любовника, страстного и молодого. Я любил ее со всем юношеским пылом, реализовывая все сокровенные желания. Я насыщался ею, познавал женское тело, помышляя о том, чтобы стать настоящим профессионалом в любовных делах. Бедняжка и не подозревала, что для меня она была чем-то вроде тренажера, ступенькой к новой богатой жизни, куда я стремился всей душой.

Для начала из пригорода я перебрался в относительно крупный город – Шамбал, расположенный на самом берегу огромного океана. Здесь проживали не только креторианцы, но и множество представителей иных галактических рас. Но я твердо для себя решил – сконцентрировать внимание на уроженках Земли. Во-первых, в Галактике людей было больше всего, к тому же, физиологически они почти не отличались от нас.

Прощаясь со мной, Дара плакала. Ей не верилось, что я уезжаю навсегда, оставляю ее ради трудноосуществимой мечты. Что это за мечта, я, разумеется, не говорил. Упомянул

только, что меня привлекает совсем другая жизнь. Мы поцеловались в последний раз. И я пошел по дороге, уводящей меня прочь от нее. Полагаю, она стояла и смотрела мне вслед, ожидая, что я обернусь и махну рукой, но я так и не обернулся. Больше я никогда не видел Дару. Скорее всего, она вышла замуж за какого-нибудь креторианца с более простыми запросами и мечтами, нарожала ему дюжину детишек, как заведено у нашего народа, и по сию пору живет на берегу того же озера. Со мной она была бы несчастна. Я поступил правильно, оставив ее...

Человеческие женщины оказались много доступнее креторианок. Физиология позволяла мне заниматься с ними любовью без каких-либо последствий, что я и проделывал с величайшим удовольствием, ожидая, что вот-вот, еще немного – и я обрету богатство и жизнь, к которой так стремился.

Но деньги и не думали плыть ко мне в руки. Все юные дамы, с которыми я предавался разврату, неизменно оказывались особами прижимистыми, а порой и малосостоятельными – финансы концентрировались в руках их отцов, братьев, мужей. К тому же, как только речь заходила о деньгах, они приходили в негодование. Их, видите ли, оскорбляла моя меркантильность. При этом все они отличались романтическим складом и не желали разрушать красивые отношения.

Случались и неприятности. С ранней юности я ненавижу необразованное быдло и их идеологию мелкого собственника. Так же по-хозяйски грубо, словно к скотине, они относятся к своим женам. А как они называют их за глаза... Не берусь воспроизвести. Стоит им узнать, что их женушка встречается со мной, единственным существом во всей вселенной, способным подарить женщине любовь – всепоглощающее высокое чувство, они приходят в неистовство.

Однажды мне пришлось спастись бегством от целой толпы вооруженных вилами фермеров. Если бы не длинные ноги и приобретенный в лавке пару недель назад короткоствольный лучемер, мне бы несдобровать. Подумать только, этот сброд мог покалечить мое лицо. С изувеченным лицом я остался бы без средств к существованию.

Между тем, и с лицом, не оскверненным толпой обманутых мужей, дела мои шли неважно. Около трех лет я провел в Шамбале и городских окрестностях, но так и не приблизился к осуществлению своей мечты. Единственное, чего я достиг – научился соблазнять женщин, почти не прилагая усилий. Но до подлинного мастерства было еще далеко. И тут я встретил *его*...

Его звали Эрнест Орлеанский. Полагаю, он пользовался ненастоящим именем. Эрнесту было около шестидесяти пяти. Одевался он с элегантностью настоящего аристократа. Костюмы от лучших кутюрье, бриллиантовые запонки, лиловый шейный платок. Возраст позволял ему пользоваться тростью. Впоследствии я узнал, что эта штука нередко выручала Эрнеста из беды. Достаточно было нажать потайную кнопку, и из основания трости выпрыгивало тонкое лезвие – аксессуар обращался в грозное оружие. На счету этого изящного молодящегося господина было немало загубленных жизней. Впрочем, об этом он говорить крайне не любил, предпочитая беседовать о вещах сугубо приятных – о дамах, драгоценностях и небольшом поместье в курортном местечке на одной из планет созвездия Стрельца, где он когда-нибудь осядет.

Встреча наша произошла в одном из самых густонаселенных районов Шамбала. Я по обыкновению крутился возле гостиничного комплекса, высматривая богатых дамочек. Состоятельные туристки обычно не скупилась на чаевые. К тому времени я отчаялся найти женщину, способную меня содержать, и перебивался случайными заработками. Короче говоря, опустил на самое дно. Худшее, что может произойти с профессиональным жиголом

– когда работа обращается в рутину. Беспорядочная жизнь совсем меня вымотала, я постоянно испытывал нужду и даже питался от случая к случаю. Одежда поизносилась – пиджак нуждался в починке, каблук ботинка грозил в ближайшее время отвалиться, и я старался ступать на левую ногу с максимальной осторожностью. Женщины иногда подкармливали меня. На их лицах порой появлялось унижительное брезгливое выражение, когда я волком набрасывался на еду.

К тому же, вокруг прибрежных мотелей постоянно крутились конкуренты. Многие действовали куда успешнее, чем я. И тому были объективные причины. Боже, как я ненавидел все эти новомодные штучки, предлагаемые корпорациями кибернетики. Они готовы любого маньяка оснастить механическим органом. Причем, иные так преуспели в изготовлении подобных штук, что их ни за что не отличишь от естественного предмета, а работать он может все двадцать четыре часа в сутки. Из-за того, что вокруг хватало верзил с электрическими членами, мне пришлось туго. Я даже начал подумывать о том, чтобы и себе пересадить искусственный орган. Но, во-первых, у меня не было денег, а во-вторых, очень не хотелось превращаться в киборга. У нормального сапиенса всегда присутствует страх перед подобной операцией. Ведь после нее ты уже не можешь считаться полноценным креторианцем. Ты и в анкетах обязан писать – киборг. Хотя гражданские права те же, но в обществе к киборгам отношение особое. Их презируют. Если бы не моя профессия, я бы никогда не задумался о таком.

Женщины тоже прибегали к услугам хироборгов, как называли этих мясников, заменяющих живые части тела на синтетическую плоть. Однажды мне попала одна такая мадам. Когда я увидел, как ее влагище жадно тянется к моему органу, едва не свалился в обморок. Хироборги сделали так, что удовольствие женщина получала в тройном размере, испытывая продолжительную серию мгновенных оргазмов, как только в ее власти оказывался продолговатый предмет.

В общем, положение мое было самым плачевным. И неизвестно, чем бы все закончилось, не объявись в моей жизни старина Эрнест...

Старик подхватил меня под локоть и потащил к ближайшему проулку.

– В чем дело? – я попытался освободиться, но не тут-то было. Незакомец так приложил меня тростью по лбу, что я чуть сознание не потерял.

– Слушай меня внимательно! – назидательно заметил Эрнест, как только мы оказались недостижимы для посторонних глаз. Он продолжал держать трость наизготовку, так что я весь обратился в слух. – Я за тобой давно наблюдаю, – поведал старик, – и вот, что я тебе скажу... Ты все делаешь неправильно!

– Да кто ты такой?! – не выдержал я. – Чего тебе надо, кретин?!

И тут же вскрикнул от боли – старикан ткнул меня тростью в солнечное сплетение.

– Я твой счастливый билет. За грубость не виню. Когда-то и я был молодой и самонадеянный. Иди за мной...

И он как ни в чем не бывало направился в неизвестном направлении по мощеной мостовой. Не знаю, что заставило меня пойти следом, но я вдруг уверовал, что это высшие силы дают мне возможность исправить никчемное существование.

Эрнест проживал в апартаментах на берегу океана. С огромного балкона открывался великолепный вид. Мы устроились в креслах.

– Выпьешь что-нибудь? – поинтересовался старик.

– Водки.

– Со спиртным придется завязать. Ты и так много пьешь, – ворчливо проговорил он. – Могу предложить холодный чай.

Я кивнул с самым унылым видом.

– Марта! – крикнул Эрнест.

На зов явилась служанка.

– Принеси два чая. Мне и моему другу. И можешь быть на сегодня свободна.

Когда служанка вышла, старик пожевал губами, поглядел на меня лукаво.

– Итак, – сказал он, – как получилось, что ты стал жиголо?

Я пожал плечами. Скрывать что-либо, судя по всему, не имело никакого смысла. Очевидно, он отлично осведомлен о роде моей деятельности. Кажется, он упоминал, что следил за мной. Интересно, зачем?..

– Просто решил в один прекрасный день, что хочу стать жиголо, и стал им, – ответил я.

– Мелко плаваешь! – объявил Эрнест. – Правда, в твои годы я тоже не мог похвастаться большими успехами. Ты – симпатичный парень. И вполне способен заработать много больше. Женщины любят таких, как ты. Уж я-то в них разбираюсь, можешь быть уверен. Ты, ведь, не человек, так?

– Креторианец, – ответил я. – Меня отправили на Селену после гибели всего живого на Кретории.

– Здесь много креторианцев, – старик кивнул. – И креторианок. Я знал нескольких. Близко знал. Мы и сейчас иногда встречаемся. Ты сказал мне правду?

– Да, – я порядком удивился. С чего мне его обманывать?

– Получай первый урок, парень. Никогда и никому не стоит говорить правду. Если, конечно, ты хочешь достичь успехов в нашем непростом ремесле. Никто, на самом деле, не любит правду. Люди обожают заблуждаться. А женщин интересует *только ложь*. Ложь – этот тот ореол, который ты создаешь вокруг своей персоны. Научись складно врать – и ты уже на середине пути к успеху.

– Но... – начал я.

– Мне тоже ни к чему твоя правда. По большому счету, правда никому не нужна. Люди заиклены на ней. Им кажется, что они хотят знать правду. Но на самом деле, они хотят только одного – ощущать собственный комфорт и чувствовать интерес к жизни. Ты должен дать женщине интерес, увлечь ее, и тогда она твоя. Делай с ней все, что угодно. Ты понял?

Появилась Марта. Принесла бокалы с ледяным чаем. Я заметил, что на хозяина дома женщина смотрит с обожанием. Эрнест обнял ее за талию, поцеловал в живот, сказал:

– Можешь идти... Любит меня, как кошка, – поведал старик, после того, как служанка удалилась. – Я с ней сплю... Последнее время все меньше. Моя сексуальность угасает. Поэтому... – Он выдержал торжественную паузу. – Я понял, что мне нужен молодой преемник. Если справишься, этим преемником можешь стать ты. Я научу тебя всему, что умею, всем знаниям, которые накопил за долгие годы. А ты за это будешь отдавать мне половину всех денег. Поверь, пятьдесят процентов – это очень и очень немало. К тому же, твои гонорары будут расти день ото дня.

В то время я был глуп и самонадеян. Поэтому предложение старика-жиголо встретил громким смехом.

– И что же такое я не знаю, зато знаешь ты?

– Ты не знаешь ничего, – отрезал Эрнест. В его лице отчетливо читалось – ну и кретин, почему я трачу на него свое драгоценное время. Тем не менее, он не прогнал меня сразу же, а терпеливо ожидал, что я отвечу.

И во второй раз я испытал непонятное чувство. Мне показалось, что я могу упустить отличный шанс чего-то добиться в этой жизни, если вдруг не приму предложение старика.

– У меня мало опыта, – признал я. – Это правда. Но женщины меня любят.

– Я и не сомневаюсь, что они тебя любят. Иначе я не обратился бы к тебе с подобным предложением. Ты красив. Женщины падки на красивых мужчин. Я сомневаюсь в том, что

они готовы платить за твою любовь деньги. Только погляди на себя. Боюсь тебя огорчить, но вид у тебя довольно неопрятный. Еще немного, и ты выйдешь в тираж. А ведь ты даже не начал карьеры. Что скажешь?

– Да, с деньгами у меня сейчас плохо, – я помрачнел. – Но все исправится.

– Приятно иметь дело с оптимистом. Но еще лучше, если оптимизм чем-то подкреплён. К примеру, опытом старшего товарища, наставника, способного обучить тебя таким вещам, которые сам ты узнаешь еще очень нескоро. Если вообще узнаешь когда-нибудь. Давай-ка пройдемся по магазинам. Тебе надо одеться.

Я нахмурился. Мне казалось, что синяя шелковая рубашка и темно-серый костюм – верх совершенства. А теперь какой-то старик говорит, что мой наряд недостаточно хорош.

– Понимаю, – заметил он, демонстрируя редкую проницательность. – Ты насмотрелся стереовидения, купил тряпья, нацепил на себя, и полагаешь, будто одет, как настоящий франт. Позволь тебя разочаровать, мой мальчик. Ты выглядишь, как уличный субъект, пригодный лишь для развлечения на одну ночь. Если хочешь добиться успеха, ты должен измениться – стать тем, кем ты не являешься. Ты будешь примерять на себя маски и следить за тем, чтобы они срослись с твоим лицом. Женщины любят ложь, помнишь?

– Если ты такой умный, – сказал я, – почему живешь в этом убогом доме?

– Дурак, – рассердился Эрнест, – у меня достаточно денег, чтобы безбедно жить до самой смерти. Но я не хочу жить один... – Он замолчал, потер переносицу. – Слушай, что я тебе скажу. И запомни. Повторять это я никогда не буду. В жизни каждого мужчины есть только одна женщина, которую он способен по-настоящему полюбить. Все остальные – романы, увлечения, влюбленности – самообман, желание обрести счастье вопреки обстоятельствам... Когда я только начинал, я думал, что должен стать *тем самым* мужчиной. Не просто жиголом, а тем ради кого женщины готовы отдать все. Забегая вперед, могу сказать, что у меня ничего не вышло. Я был кем угодно – мужчиной на вечер, мальчиком для развлечений, сексуальным партнером, работающим за небольшую мзду, интимным слугой, но только не тем, кого любят. Я обладал природным магнетизмом и притягательностью, я получал от женщин все, чего хотел, но так и не сумел добиться настоящей любви. Для большинства богатых дам самый обожаемый человек на свете, ее единственная любовь, – она сама. Но дело даже не в этом. Дело в том, что любовью владеем не мы, а высшее существо. Если хочешь, сам Бог. Или кто там в его ведомстве отвечает за это чувство, не знаю. Купидон со странными представлениями о счастье и плохим глазомером. Он дарит любовь хаотично и порой очень некстати – так рушатся семьи, так возникают преступления на почве страсти, так некто на всю жизнь становится несчастлив, осознав, что единственная женщина, которая ему нужна, предназначена другому. – Старик пожевал губами. – И я тоже люблю. Люблю только ее одну всю жизнь. Сейчас ей уже около шестидесяти. Она жива. Замечательно выглядит. Тебе, может быть, покажется странным, как может замечательно выглядеть женщина в таком возрасте. Но я-то знаю *как*. Я никогда не видел никого красивее... и величественнее. Моя королева. Она поставила условие. Она готова разделить со мной последние годы моей жизни, но для этого я должен заплатить ей миллион рублей. Ты понял? Я покупаю ее любовь. Я, который всю жизнь жил за счет женщин, покупаю любовь женщины. И я знаю, что буду счастлив только в том случае, если она будет рядом со мной.

– Миллион рублей?! – поразился я. – Это много. Очень много...

– Мне осталось накопить совсем чуть-чуть. И ты мне в этом поможешь, – старик сжал кулаки. – Если бы только я мог вернуть молодость. Я бы жил совсем другой жизнью. Я бы все сделал, чтобы прожить эту жизнь рядом с ней, не помышляя ни о чем другом. Но ничего не вернуть. Ничего... Время безжалостно. Оно выхватывает счастье из наших рук и уносит его в небытие, где нет ничего...

– Если можно заработать так много, я согласен, – быстро сказал я. – Я никого не люблю. Но куда потратить миллион найду. Не сомневайся.

– Наверное, тебе повезло, – сказал Эрнест, разглядывая меня исподлобья. – Любовь – очень сильное чувство. Оно никогда не оставляет в покое. Если только это настоящая любовь... Хотя... Как знать... Без нее моя жизнь была бы неполной. Я счастлив, что знаю, как выглядит любовь.

Забегая вперед, могу сказать, что старик накопил свой миллион. Следуя его наставлениям, я значительно поправил свои дела. Так что уже через месяц я открыл собственный счет в банке. А через три месяца на нем лежало двадцать тысяч. И все благодаря двум удачным женитьбам и одному шантажу дочери вице-мэра Шамбала – развратницы и наркоманки.

В тот день, когда сумма составила чуть больше миллиона, Эрнест выглядел счастливым. Он предложил отметить это событие. Мы замечательно посидели в ресторане «Золотой берег» на набережной. По обыкновению, ничего не пили. Эрнест полностью отучил меня от алкоголя – мой интеллект должен был всегда сохранять ясность. Умение контролировать себя в любых обстоятельствах для жиголо один из важнейших компонентов успеха...

Старик откинулся на стуле, извлек коммуникатор и набрал номер. На лице его сияло торжество. Так продолжалось совсем недолго. Он внезапно побледнел. Обычно живые глаза резко потускнели.

– Мне больше незачем жить, – сказал Эрнест, поднялся и вышел из ресторана.

Оказалось, его самая большая любовь умерла несколько лет назад. А он, занятый накоплением того самого миллиона, узнал об этом только сейчас.

На этом жизнь Эрнеста прервалась. Нет, он не покончил с собой, и смерть не прибрала его к рукам. Но того живого старика, какой однажды схватил меня под локоть перед гостиничным комплексом, больше не было. Эрнест Орлеанский превратился в ожившую мумию. Тяжело опираясь на трость, он бесцельно бродил по улицам Шамбала, часами стоял у причала, глядя на безмятежно накатывающий волнами на берег океан, сидел на балконе. Разговаривать с ним стало невозможно. Он не замечал собеседника – то ли ничего не слышал, то ли не считал нужным отвечать на вопросы.

Последний раз я видел его сразу после ареста – я попался по глупости. Девушка, на которой я собирался жениться, чтобы заполучить состояние ее папаши, сказала, что сначала я должен заслужить расположение ее матери. Я и заслужил, наиболее простым способом. Очень скоро эта интрижка вскрылась, и меня повязали по наводке папаши. У властей оказалось на меня целое пухлое досье – в нем значились многоженство и шантаж.

Чтобы повидаться, старик Эрнест явился прямиком в местное полицейское управление. Меня собирались отправлять дальше, передать судебным органам. Мой наставник сунул стражам порядка несколько крупных купюр, и нам позволили краткое свидание.

– Никогда не стоит медлить, если дело касается чувств, мой мальчик, – сказал старик. – Жизнь коротка. Запомни это. Если когда-нибудь по-настоящему полюбишь, бросай все. Сделай так, чтобы для своей избранницы ты стал лучшим и единственным. И не думай, будто чувства можно купить. Ты всего лишь изобретаешь для себя далекую цель, нечто, что замещает подлинную жизнь и дарит иллюзию, что все еще будет. Ничего не будет.

– Послушай, Эрнест, – проговорил я, – я, правда, не думаю, что для тебя все закончилось. По-моему, ты просто заиклился на этих чувствах. За свои деньги ты можешь купить любую. Черт возьми, даже не одну. Набери себе девчонок посимпатичнее, и езжай в свое курортное местечко, о котором так много говоришь...

Старик посмотрел на меня с грустью.

– Ты так ничего и не понял, Вельд... Для меня все уже закончилось.

Постукивая тростью, он покинул комнату свиданий.

В тюрьме у меня было много времени, чтобы поразмышлять об Эрнесте Орлеанском и любви всей его жизни. Думаю, старику просто не повезло. Для настоящего профессионала в любовных делах такое сильное чувство ни к чему. Я никогда не испытывал ничего подобного, и был вполне счастлив в своем неведении. А может, у меня просто душа не приспособлена для того, чтобы любить. Говорят, такое случается.

Срок мне намотали немаленький. Нашлось достаточно свидетелей. Спасибо старику Эрнесту, последнее время я работал по дамочкам, имеющим покровителей в самых высших кругах общества Селены. Все они, узнав, что я под следствием, поспешили дать против меня показания. Я, конечно, отрицал все обвинения – знал, что выступать в суде дамы откажутся. Но закон в отношении профессиональных жиголо суров. Им не потребовалось длительное судебное разбирательство, чтобы упрятать меня в колонию на целый год. Я даже не пытался дать взятку судье – рангуну. Знал, что бесполезно. Креторианцев представители этой расы ненавидели всей душой. Да и мы отвечали им взаимностью. Еще не стерлась из памяти последняя война, испепелившая наши планеты и сердца.

Я ожидал самого худшего. Уголовников я всегда ненавидел. Их хамоватая манера себя держать, чудовищная мораль – законы для нас не писаны, все, кто не с нами – послушный скот, годный только на убой. Жизнь существа, наделенного разумом, для них ничего не значит. В порядке вещей сунуть кому-нибудь нож за неосторожно сказанное слово. Да что там слово. Они могут запросто проиграть тебя в карты. Ставка на кону – кто ткнет пером в бок симпатичного креторианца. Я бы не назвал себя трусом, но в тот момент, когда конвой вел меня на гигантский транспортник, следующий в колонию, у меня все поджилки тряслись, мне казалось – жизнь моя закончена.

Меня втокнули в узкий люк, и я оказался в тесном помещении, пропитанном запахом несвежих тел – воняло потом, мочой, страхом... Вы спросите, как пахнет страх? Запах у него едкий. Креторианцы обладают тонким обонянием, мы можем чувствовать запахи, недоступные людям и другим галактическим расам.

В корабле царил полумрак, под потолком слабо мерцали древние галогеновые лампы. А у меня в душе обосновался такой сумрак, что я боялся даже пошевелиться. Только стоял, оглядывая крепко сбитые фигуры и бледные лица закоренелых каторжан.

Через десять минут я немного пришел в себя. Ничего не происходило. Они просто не обращали на меня внимания. Словно меня не существовало. Посверкивающие в темноте глаза рептилий смотрели в другую сторону. Несколько человек, окинув меня тусклым взглядом, сразу же отвернулись. Таргариец с головой, обмотанной платком, скосил глаза. Я понял, что не только я, но и другие подавлены и испуганы. Все они прислушивались к гулу турбин и гадали, что за жизнь ждет их в тюрьме.

Через некоторое время я узнал, что на пересылке всегда полно идущих по первому сроку, а еще подсадных уток, спешащих выявить в нашей среде проблемных заключенных. Настоящие преступники предпочитали дожидаться прибытия на место. Там их встречали свои, там действовал закон преступного сообщества, там они чувствовали себя в своей стихии. К новичкам же даже в колонии относились настороженно. Среди них попадалось много опасных типов, способных убить за безобидную шутку.

Полет прошел без происшествий. Нас вывели из корабля на горячий каменистый грунт. Развели по баракам. Мне досталась нижняя полка. Надо мной поселился таргариец с платком на голове.

В первый день меня никто не тронул. Каторжане приглядывались к нам: смотрели искоса, с явным недоверием, одаривали исполненными подозрительности взглядами. Я чувствовал самое пристальное внимание к своей персоне, ощущал, что за мной наблюдают, оценивают, и старался вести себя с преувеличенным безразличием, будучи на самом деле все

время настороже. Знал, от уголовников можно ожидать всего, и жизнь моя висит на волоске. Как и жизнь любого утонченного существа в этом зверинце.

Нравы здесь царили самые дикие. Причем, жесткость уголовники проявляли не только к другим, но и по отношению к себе. Больные зубы они, к примеру, обычно драли с помощью пассатижей. Но эта операция выглядела просто детской забавой в сравнении с другой стоматологической операцией. Заключенные вытачивали коронки из меди, используя для шлифовки бетонный пол и напильник. Тем же самым инструментом обтачивался зуб. Несколько уголовников держали больного под руки, а третий проворно орудовал у него во рту рашпилем. От тошнотворного звука и ужасающего воя несчастного можно было свихнуться. Когда все заканчивалось, он, счастливый до невозможности, сидел на койке и трогал отремонтированную таким варварским способом челюсть. «Красота требует жертв!» – услышал я однажды от одного такого «красавца».

Заключенные совершали поступки лишённые всякой логики. К примеру, однажды посреди ночи один из уголовников проснулся злой, как черт. Вскочил со шконки и принялся орать. Потом стащил за ногу одного из сокамерников и от всей души зарядил ему в челюсть. После содеянного улегся, как ни в чем не бывало, на место и заснул. Я уже немного разбирался в лагерной иерархии и понимал, что тот несчастный, которому ни с того – ни с сего досталось на орехи, не сможет ответить своему обидчику. Однако и на дне уголовного сообщества он не был. Поднимаясь с пола, он яростно ругался, но свершить справедливое возмездие не посмел. Вместо этого выместил ярость на первом попавшемся – ткнул его носком сапога под ребра, приговаривая: «Получай! Думал, ничего тебе не будет? Не на того напал!»

Мне оставалось только порадоваться, что в этот бессмысленный конфликт не втянули меня. В эту ночь я так и не сомкнул глаз, опасаясь, что безумец проснется и снова кинется на кого-нибудь из нас. Но приступ злобы в этот день у него больше не повторялся. Хотя всю следующую неделю он громко бормотал во сне и проклинал кого-то.

В колонии постоянно кого-нибудь били. Иногда за дело, но чаще всего просто так, от скуки. Несчастная жертва могла выть и стонать от боли, но никто из надзирателей не пришел бы ей на помощь. Я испытывал острую жалость, наблюдая, как калечат очередного сапиенса, за кражу кусочка сухого пайка, неосторожно сказанное слово или проще – проиграв его здоровье в карты. Именно так это и называлось «проиграть здоровье».

Однажды здоровенный бугай – он прибыл в лагерь всего неделю назад – не отрываясь, долго смотрел, как избиваемый извивается на каменном полу под ударами тяжелой тюремной обуви. Глядя на этого крепкого широкоплечего детину с простым лицом и огромными кулачищами, я подумал, что есть еще, есть, богатыри, способные вступить за безвинно страдающих в заключение. И я не ошибся в своих ожиданиях. Громила ринулся в толпу негодяев... и немедленно присоединился к ним. Попадая избиваемому носком ботинка прямо в лицо – из разбитой брови брызнула кровь, он счастливо расхохотался. Благодаря этой молодецкой удали, не разбирающей кто прав – кто виноват, а просто лупящей всех без разбору, вскоре в камере он сделался своим в доску. Да и как им не дружить с таким бравым парнем, когда он всякому, кто косо посмотрит, может немедленно презентовать удар в челюсть. Беззубые заключенные всюду скалили щербатые рты, лишь бы показать, как он им нравится.

Этот метод завоевания тюремного авторитета мне совсем не подходил. Драться я не любил, да и не умел. Расправ над слабыми не одобрял. И все больше замечал, что отдаляюсь от коллектива. Если поначалу со мной разговаривали, интересовались, нет ли закурить папироски или пьянящего колоска, спрашивали, за что посадили, то теперь все больше держались в стороне, будто знали обо мне что-то такое, чего не знал я.

У меня не могло быть ничего общего с подобными сапиенсами. И я вполне логично опасался за свою жизнь. Помню, как проснулся утром пятого дня на вонючем силиконовом матрасе, и обрадовался, что все еще жив. Ночью меня не беспокоил никто, кроме клопов.

Непривычное к тяжелому физическому труду тело отзывалось болью на каждое движение – добыча золотиносной руды работа не из легких.

С трудом сдержав стон, я приподнялся на локтях и оглядел темное помещение барака. Правительство Федерации было безжалостно к оступившимся гражданам – серые бетонные стены, ряды двухъярусных нар. Между нарами имелся узкий проход, ведущий к санузлу. Если так можно было назвать его циничную профанацию. Дыра в полу для отправления естественных надобностей и ржавый умывальник в углу – вот и весь тюремный санузел. Откуда взялась ржа ума не приложу – воды он не видел никогда. Изогнутый кран был пуст. Ты мог скончаться от жажды, стараясь извлечь из него хотя бы каплю, но и тогда тюремные власти не озаботились бы включением водопровода. Полагаю, он имел не столько декоративную функцию, сколько призван был пытаться нас своим присутствием, предполагая наличие воды.

Мыться заключенных водили в общую душевую, согласно санитарным нормам – два раза в неделю. Душевая кишела кровососущими жучками, как будто здесь находилось их гнездовье. Укусы насекомых оказались болезненны, а место укуса чесалось несколько дней. Жучки досаждали куда сильнее клопов. Последних я уже через месяц воспринимал, как неизбежное зло – во время короткого сна не замечал вовсе. Спал я по-прежнему чутко, тем более что вскоре надо мной сгустились тучи.

В забое во время краткого перерыва в работе, – их делали время от времени, чтобы мы не загнулись, – ко мне подошел одноглазый каторжник с побитым оспой нехорошим лицом.

– Я твою статью знаю, – сообщил он доверительно, – для такого, как ты, друган, здесь всегда найдется возможность заработать.

Я приподнял вопросительно бровь – мимику я долгие годы тренировал перед зеркалом, она отличалась изящной выразительностью.

– Но здесь же нет женщин, – сказал я.

– А кто говорит о женщинах?! – Мой собеседник сделал многозначительную паузу: – Слушай сюда, кореш... Клиентов буду искать я. Твоя доля – двадцать пять процентов. Можешь мне верить, это очень даже неплохо. Другие дадут меньше. Ты уже перетирал на эту тему с Колей Меченым? И не надо с ним тереть. Тот еще фраер. Пропадешь с ним ни за грош. А со мной выйдешь на волю при капусте. Да и здесь заживешь, как по писаному...

– Мне это не подходит! – резко возразил я.

– Как ты сказал? – Он прищурился.

– Я сказал, мне это не подходит. Я работаю только с женщинами.

Одноглазый осклабился.

– Понимаю. Первый срок. Ну, ничего, это у тебя пройдет. У всех проходит. Только не думай, что ты лучше нас... – Он вдруг сделался злым и ткнул меня кулаком в грудь. – Ну ты, фраер недоделанный, я с тобой еще побеседую. Гляди, увидимся.

Этот разговор поверг меня в панику. В принципе, чего-то подобного я и ожидал. Что же теперь делать?! Как выйти из этой опасной ситуации?

Я решил, что должен заручиться поддержкой кого-то авторитетного, способного мне помочь. Таковыми, несомненно, являлись рангун по кличке Хромой и человек, которого все называли Горбом. Никакого горба у него не наблюдалось, хотя ноздреватый массивный нос походил на холм, возвышаясь на плоском, как блин, лице. Еще на этом лице имелись очки с толстыми стеклами, что придавало физиономии авторитета весьма нелепый вид. Но я отлично усвоил уроки Эрнеста – внешность бывает обманчивой. Лоск чаще всего призван скрыть внутреннюю пустоту.

Итак, решение было принято. Я обращаюсь с просьбой о помощи к Горбу. Все знают, что люди креторианцам ближе. Как в физическом, так и в интеллектуальном смысле. От рангунов же можно ждать любой подлости.

Когда каторжане спускались в шахту, Горб оставался на поверхности. Он сидел на пластиковом чурбаке и читал. Иногда вынимал из золоченого портсигара папиросу и с наслаждением ее раскуривал. Вокруг него, на валунах, расположились приближенные – счастливики, тоже освобожденные от работы. С тюремной администрацией и у Горба, и у Хромого имела договоренность – им позволяют не работать, а они в свою очередь следят за тем, чтобы заключенные не взбунтовались. Что при таких условиях содержания неудивительно.

По окончании работ, я отделился от толпы каторжан и обратился к нему.

– Мне нужна помощь, – сказал я, – мне не к кому больше обратиться.

Горб отложил книгу и снисходительно улыбнулся.

– Я ждал, что ты придешь ко мне, парень. Статья у тебя не такая уж и паршивая, если подумать. – Глаза авторитета, не мигая, смотрели на меня сквозь толстые стекла очков. Вблизи они выглядели воспаленными. Во взгляде не было ничего человеческого. Мне они показались безжизненными и страшными.

– А ты как думал... – Продолжил Горб. – Тут у нас все на виду. Даже вошки. Так кто на тебя наехал? Одноглазый?

Я кивнул. Тюремный телеграф работал исправно.

– Тут одно из двух, – протянул Горб. – Либо ты его замочишь, либо он тебя...

– Замочить? – меня прошиб холодный пот. – В смысле убить? Но я... никогда никого не убивал.

– Все когда-нибудь случается в первый раз. Заточку мы тебе сделаем. А за разрешение почикать Одноглазого с тебя еще один жмур.

– Нет... Нет. Это совершенно невозможно.

– Слушай, парень, – авторитет ткнул в меня пальцем. – У тебя другого выхода нет. Либо станешь нашим киллером. Либо соглашайся на предложение Одноглазого.

– Я могу подумать?... – Все, что я сумел выдавить на тот момент.

– Да чего тут думать?! – проворчал Горб. – Я тебе честь оказываю.

– Но ведь мне могут...

– Накинуть срок? Попалишься – накинут, конечно. Зато будешь жить. Это немало. Ну что, ты уже подумал?... – И не дав мне времени на ответ, скомандовал: – Гнус, выдай инструмент.

Я и опомниться не успел, как ближайший из окружения Горба сунул мне в руки холодный кусок металла.

– Наводку получишь завтра, в душевой. Одноглазого валишь после нашего клиента...

В безжизненном взгляде авторитета так и не проявилось чувств. Я понял, что попал в переплет, выбраться из которого будет очень непросто.

В душевой ко мне приблизился уголовник с глумливой физиономией.

– Гляди налево, – сказал он, – вон того лохматого видишь? Твой.

Я обернулся. Под струями воды стоял громадный рангун. Порыкивая, чесал широкую грудь, выбирал из нее блох.

– Но... – начал я, но посыльный Горба уже растворился.

Заточку я спрятал в матрасе. Если при личном обыске найдут этот важный предмет самообороны, в лучшем случае кинут в карцер, а в худшем начнется новое судебное разбирательство. У меня всего год. И мне очень хотелось, чтобы я выбрался из ада по истечении этого срока.

В забое я трудился всегда рядом с профессором Ребровым. Нас определили в сцепку. Я грузил породу в тачку, профессор толкал ее по проходу к поверхности. Ребров говорил, что

угодил в колонию случайно, следствие, дескать, допустило ошибку. Но зеки в бараке были уверены, что Ребров удавил жену за измену.

– Оно, конечно, его дело, – говорил матерый вор по кличке Лепень, ковыряя проволокой гнилые зубы, – жена – это личная собственность каждого. Но зачем отнекиваться. Грохнул бабу, так и скажи...

– Точно, – вторил ему другой уголовник, черный, как головешка, вернерианин, которого все звали просто Тук, – это же не проступок, а правильный шаг. Я бы неверную не только удавил, но и съел...

Обычай супругов поедать друг дружку остался в далеком прошлом Вернеры и осуждался, как очевидная первобытная дикость, но время от времени акты каннибализма случались. Власти проявляли лояльность к провинившимся – против природы не попрешь, полагали эти гуманисты от закона.

– Молчите, – кричал несчастный Ребров, – вы ничего не понимаете!

– Конечно, не понимаем, – соглашался Лепень, – мы в убийствах жен не замечены.

Мне было немного жаль недотепу-профессора, но я старался не вмешиваться в разговоры. Своих неприятностей хватало. То, что профессор в лагере долго не протянет, было понятно с первых дней. Реброва привезли в той же партии, что и меня. Он то впадал в состояние нервное, близкое к истерике, то вдруг уходил в себя и пребывал в полном рассеянии чувств. Таких людей хватает в науке, там они чувствуют себя, как рыбы в воде. Но здесь – отсутствие концентрации порой означает скорую смерть.

– Пойди, принеси соль, – пихнул профессора уголовник в тюремной столовой. Тот, думая о чем-то своем, медленно побрел вдоль столиков. Остановился. И обратился к одному из заключенных: – Простите, дайте, пожалуйста, котлету!

Тот настолько опешил от такой наглости, что протянул требуемое без единого слова. Ребров же, продолжая размышлять, принялся жевать котлету и очнулся только в тот момент, когда от нее остался небольшой кусочек.

– Ой, простите! – деятель науки покраснел до корней волос и поспешил обратно.

– Где соль! – раздался рев уголовника, посылавшего Реброва за солью.

В общем, жить профессору оставалось совсем немного. Хотя он вряд ли осознавал нависшую над ним опасность, продолжая витать в облаках. Я же намеревался выжить любым способом.

На следующий день после того, как я стал обладателем заточки, нам устроили показательную экзекуцию. В ближайшие месяцы мне суждено было узнать, что подобные мероприятия охрана проводит регулярно, дабы заключенные даже думать забыли о своих правах. Зато относились к кругу обязанностей с усиленным рвением.

Вместо того, чтобы после работ на руднике отвести в камеры, нас выстроили в две шеренги на равнине.

– Сейчас все вы, помойные крысы, узнаете, кто здесь главный! – прорычал старший надзиратель, которого за крутой нрав и упрямство уголовники окрестили Быком, и извлек из-за пояса дубинку.

– Начинается, – пробормотал один из зеков, стоявший в строю чуть левее, чем я.

– Что будет? – спросил я тихо.

– Известное дело. Будут порядку учить.

– Сейчас я вас всех научу порядку! – подтвердил его слова Бык.

– Бить заключенных негуманно! – закричал интеллигентный Ребров.

– Это единственное развлечение конвойной службы. – Старший надзиратель свирепо воззрился на странного заключенного. – Ты хочешь лишить нас последней радости?

– Очень хочу, – подтвердил Ребров и взвыл, получив дубинкой по носу.

– Сумасшедший, – пробормотал я и, рухнув на пол, принял позу эмбриона, прикрыл руками беззащитную для ударов голову.

Били нас долго и негуманно. Впоследствии я узнал, что у тюремных властей имеется множество способов воздействия на заключенных, они умело «учили нас порядку». Для особо буйных имелся темный карцер, куда сапиенса спускали на целую неделю. Когда его с завязанными глазами вытаскивали на свет и срывали повязку, несчастный кричал от боли. Одного бедолагу загнали в карцер на несколько месяцев, а когда вывели на солнце, он попросту ослеп. Никогда не забуду его обращенное к нему лицо, залитое слезами. Зрение вернулось очень нескоро. Мои сокамерники очень завидовали пострадавшему – почти две недели он провел в лазарете, а потом был отправлен на смягченный режим.

Поскольку я не был слишком буйным, карцер мне не грозил. Но во время «учебной» экзекуции несколько раз доставалось дубинкой. Я старался, в отличие от остальных, прикрывать не ребра и живот, а лицо. Поэтому тяжелая палка гражданина начальника здорово прошлась по моим почкам.

По дороге с плато ко мне приблизился один из заключенных. Он сделал вид, что разговаривает не со мной, отвернул лицо в другую сторону.

– У тебя серьезные неприятности.

– Я знаю...

– Не оборачивайся, – резко предупредил мой собеседник. – Нас могут увидеть. А я не хочу, чтобы со мной случилось что-нибудь нехорошее. Никому не доверяй. Ты понял? Никому. Я бы на твоём месте поискал способ смыться.

– Почему ты со мной говоришь.

– Ты мне нравишься. У тебя красивое лицо. Мертвые лица не выглядят красивыми.

Он ушел вперед.

Этот разговор помог мне по-новому взглянуть на ситуацию. Где гарантия, что одногозлого не подослал сам Горб? Авторитет знал, что я обращусь к нему за помощью. У меня просто не было другого выбора. Они не оставили мне другого выбора.

Когда ты в аду, и каждый твой день может стать последним, начинаешь очень ценить каждую секунду. Я лежал в темноте и вслушивался в тюремные шорохи – храп заключенных, пощелкивание кровососущих жучков, тихий шепот...

В ту ночь мне повезло. Я услышал то, что спасло мне жизнь. Несколько каторжников, из новичков, решили отомстить за регулярные избиения. Охрана, их жены и дети, жили в небольшом поселке в паре километров от рудника. Если бы нас поймали, то сразу бы поставили к стенке. Но нас не поймали.

Я скользнул к соседним нарам.

– Я с вами!

Уголовники свирепо воззрились на меня. Мое появление явно не входило в их планы.

– Я так решил, – сказал я со всей твердостью, на какую был способен.

Поглядев на меня оценивающе пару минут, один из них, гебб с фасетчатыми глазами и острым шипом вместо подбородка, кивнул.

– Ладно.

Он был у них за главного. Остальные против моего участия возражать не стали. План был такой. Ворваться в один из домов, хозяина убить, взять, что только можно, и тем же маршрутом вернуться в барак. Добро можно спрятать где-нибудь неподалеку. Мало ли в округе скал и зарослей колючего кустарника.

– А как мы пройдем через аннигиляционный периметр? – поинтересовался я.

– Это моя забота, – ответил гебб.

Он знал, что делает. Один из охранников имел зуб на старшего надзирателя. Парня собирались в ближайшее время отправить в штрафной батальон за какую-то незначитель-

ную провинность. В его интересах было избавиться от Быка как можно скорее. За то, чтобы уголовники придушили старшего надзирателя, он согласился на пару минут отключить периметр.

– Возвращаться будете по сигналу фонаря, – угрюмо оглядывая нас, поведал караульный, – смотрите не пропустите. Я помигаю вот так. Один короткий, два длинных. Это означает, путь свободен. Все ясно?

– Дай нам полчаса, – сказал гебб, – сделаем все в лучшем виде.

– Дом Быка самый большой, не ошибетесь. И ценностей у его жены хватает. Ее лучше тоже прикончить. А то, неровен час, опознает кого-нибудь из вас.

Я похолодел. Убить незащищенную женщину? В отличие от меня уголовники были полны решимости. Чтобы улучшить свое плачевное положение в колонии, они готовы были перерезать глотку кому угодно.

– Ну, вперед, – скомандовал охранник и щелкнул рубильником.

Синеватое мерцание медленно сошло на нет. В воздухе все еще пахло озоном, посверкивали голубоватые искры, но аннигиляционное поле уже отключилось. Уголовники рванули с места. До поселка было всего ничего – не больше пятисот метров. Но мы бежали со всей возможной скоростью. Неприятно ощущать, что ты во власти человека, способного одним щелчком рубильника распылить тебя на атомы.

Миновав аннигиляционные генераторы, едва заметные металлические головки, торчащие из земли на расстоянии метра друг от друга, мы замедлили бег.

– Не останавливаться, – прошипел гебб, – времени мало. Ты, – он ткнул в меня узловатым пальцем, – пойдешь первым.

Поселок охранников спал. Округлые строения – купола, с искусственной атмосферой, идеально пригодной для жизни человеческих особей, матово поблескивали в свете громадных лун. Возле них темнели силуэты тяжелых трекеров на гусеничном ходу, личный транспорт надзирателей.

Позднее я узнал, что наша вылазка была первой, ничего подобного здесь раньше не происходило. Только этим обстоятельством объяснялось отсутствие охраны. Ни один из заключенных раньше не пересекал аннигиляционный периметр. Солдата, причастного к этому преступлению, впоследствии расстреляли. Пока же он имел возможность наслаждаться жизнью, предвкушая расправу со своим врагом.

Ничего не подозревающий Бык даже не потрудился оснастить свой купол современным электронным замком. Тот, что был установлен, опытные уголовники вскрыли за полминуты с помощью оснащенной простейшим чипом отмычки.

– Если к вам забрался вор, не проявляйте к нему жестокости, лучше помогите выбраться наружу с помощью лучемета или парализатора, – в процессе взламывания двери пошутил один из уголовников и добавил: – Нас не ждут. И это хорошо.

Я шагнул внутрь, вдохнул ароматный воздух и ощутил, как он пьянит после разряженного воздуха планеты-колонии. В то же мгновение меня пихнули в спину. В жилище старшего надзирателя ворвались уголовники. Быка прикончили сразу, он даже не успел понять спросонья, что происходит. В тело ему вонзили несколько заточек и кололи ими, пока он не перестал дергаться. Женщину за волосы потащили к выходу. Она отчаянно кричала и пыталась сопротивляться. Но против крепких мужчин, что она могла сделать.

– Ищите ценности, живо, – скомандовал гебб. – Ты что стоишь?! – Накинулся он на меня. – Ищи золото, я сказал!

– Так нельзя, – пробормотал я. Но все же направился к комоду. Потянул на себя один из ящиков. Там оказался пистолет.

Крики несчастной сводили меня с ума. Люк уголовники предусмотрительно прикрыли, так что снаружи услышать, как надывается несчастная, было невозможно.

Решения я принял мгновенно. Развернулся и всадил заряд в гебба. Того отнесло к дальней стене, где он и остался лежать. Два других выстрела оказались не менее удачными. Затем пистолет дал осечку. Последний уголовник, рангун, с ревом кинулся на меня. Мы повалились на пол. От сильного удара в лицо я едва не потерял сознание, попытался оттолкнуть противника, но он вцепился мне в горло мертвой хваткой. Стальные пальцы рангуна сжались. В этом мгновение послышался громкий хлопок. И врага отбросило в сторону. Запахло паленой шерстью.

Я приподнял голову. Жена Быка сжимала в руке парализатор. Она вся дрожала от пережитого ужаса.

Рангун корчился на полу и рычал от боли в сведенных мышцах.

– Надо его связать, – прохрипел я и закашлялся. Если бы не решительность этой женщины, я был бы уже мертв. Рангуны обладают огромной физической силой.

– Кто вы? – спросила она, не выпуская из рук парализатор.

– Я... я всего лишь несчастный креторианец, пострадавший за любовь, – ответил я, проникновенно глядя на нее, – я оказался здесь, потому что доверился одной даме... – Я перевел взгляд на тело ее мужа. – Мне очень жаль...

– То, что случилось ужасно, – проговорила она. – Мой муж был грубым скотом, но никто не заслуживает подобной участи.

– Я с вами совершенно согласен. Вся эта чудовищная грязь и дикость настолько мне опостытели. Пожалуй, мне не отмыться от этого никогда.

Она поглядела на меня с интересом. Этого было вполне достаточно, чтобы я понял – вдова старшего надзирателя попала на крючок...

Через сутки я благодаря ее помощи вылетел с планеты на грузовом корабле, доставлявшем провизию. А еще через пару суток дело приняло самый неблагоприятный оборот для всех его участников, кроме вашего покорного слуги. Я благополучно добрался до одной из местных лун, где мои следы затерялись – федералы так и не смогли найти, на каком из кораблей, незаконно перевозящих пассажиров, я улетел. Следствие по этому делу растянулось на несколько лет. Поскольку я имел к нему непосредственное отношение, то специально интересовался, как сложится судьба всех причастных к этой истории лиц. Как я уже упоминал, охранник, отключивший аннигиляционный периметр, был за свое преступление расстрелян. А женщина осуждена за помощь в убийстве собственного мужа на двадцать с лишним лет.

В уголовном мире по этому поводу сложили целую легенду, сделав из меня коварного соблазнителя, способного охмурить любую особу женского пола. И даже не слишком женского. Такая репутация пришлась очень кстати, когда я загремел на очередной, на этот раз пожизненный, срок за многоженство и шантаж...

– Здоров? – поинтересовался хмурый доктор в сером халате федеральной службы.

Медкомиссию на пересыльной станции я проходил впервые.

– В общем, да, – ответил я.

– Я тут глянул на твою статью. Шантаж, двоеженство, проституция. Венерические заболевания были?

– Немного, – ответил я уклончиво. За долгое время работы жиголо я несколько раз заполучал половые инфекции. По счастью, в наше время все они лечатся. Я посещал клинику регулярно. Так что осложнений на столь жизненно важные для меня органы я не получил.

– Сейчас мы возьмем у тебя кровь на анализ, потом сдашь мочу, ну и проведем полное компьютерное обследование, – поведал доктор. – Запустим тебе под кожу наноботов.

– Зачем?! – испугался я, решив, что меня собираются продать на органы. Слухи о том, что продажные врачи то и дело поступают так заключенными, постоянно курсировали в тюрьме. – Я очень болен! – объявил я.

– Что же у тебя болит?

– Все. Начиная от половой системы! – Я ухватил себя между ног. – И кончая головой!

– Ну, к чему этот спектакль? – устало проговорил эскулап. – Ты не волнуйся, на органы тебя продавать никто не будет. Это уголовная байка. Ты нужен Федерации целиком, а не по частям...

На пересыльной станции выяснилось, что, несмотря на неоднократные тюремные сроки, сопровождаемые скудным питанием и прерывистым сном, здоровье у меня по-прежнему отменное.

Мне вкратце обрисовали открывающиеся передо мной перспективы, и я немедленно согласился сотрудничать с властями Федерации. Я порядком устал бегать от закона и всерьез размышлял о том, чтобы осесть на одной из цивилизованных планет после того, как мы вернемся с края галактики. Я и представить не мог, что за миссия нас ожидает...

Первым потрясением для меня стала встреча с бородавочником по прозвищу Отец на пересыльной станции.

Запах от жизнедеятельности человеческих тел порой тоже бывает невыносим, в чем я имел возможность убедиться в тюрьме, но бородавочники пахнут намного острее. Он, как будто, сам невыразимо отвратительной частью себя пробирается через ноздри прямо к тебе в голову, вползает, разрывая нежную носоглотку чудовищной вонью. И даже в распахнутый до предела рот, когда нос зажат двумя пальцами, каким-то неведомым образом – в предназначенный для обоняния орган – лупит нестерпимый смрад. Эту вонь навряд ли смог бы описать умелый парфюмер, просто потому что бежал бы прочь из города, опасаясь навсегда лишиться столь ценного для своей профессии нюха. Но если все же попробовать, лично у меня возникает следующий рецепт духов «бородавочник» – к запаху немытой плоти примешиваем удушливую атмосферу едкой слизи, стекающей из разнообразных органов, а уже к этому амбре примешиваем стойкую сладковатую гарь, какая бывает, если жечь синтетику и пластик...

Оказалось, что этот отвратительный сапиенс летит вместе с нами. А еще – представители всех известных разумных рас. Всего нас было тринадцать. Если вы, как и я, верите в мистическую нумерологию, то поймете, какие чувства я испытал, когда сосчитал сколько сапиенсов поднимется на борт. Разумных рас в Галактике двенадцать. Почему-то помимо Лео Глуща с нами летел еще один человек. Либо он – федеральный агент, понял я. Либо Лео Глущ сотрудничает с властями. Полагаю, в ближайшее время ситуация прояснится.

Генеральный штаб командования. Земля

Председатель Верховного совета выглядел разгневанным. Его обычно красное ноздреватое лицо немолодого и не слишком здорового человека пунцовело. Желваки так и ходили под кожей.

– Где вы набрали подобный сброд?! – прорычал он, смерив генерала Поддубного взглядом, способным заставить трепетать даже представителя ко всему равнодушной расы рептилий. Вы видели их дела? Они не долетят даже до Альфы. Поубивают друг дружку к чертовой матери.

– Возможно, не все так плохо...

– Не все?! – председатель схватил со стола папку, распахнул ее и наугад прочел: – Неоднократное участие в грабежах. Страсть к поджигательству. Страдает пристрастием к крэку... К крэку! – вскричал он.

Генерал пожал плечами. К проявлениям председательского гнева он давно привык и относился к вспышкам ярости, как к чему-то неизбежному и не слишком важному. Знал, пройдет пара минут, и переменчивое настроение главы Федерации придет в норму. Просто ему нужно спустить пар.

– Там ему точно негде будет раздобыть крэк, – заметил он. – И потом, он сириусянин. На пересыльных станциях было всего два сириусянина. Один из них этот самый уголовник. Второй убил представителя Лиги галактических рас. Согласитесь, преступление более чем серьезное.

– Мне кажется, с этим сириусянином проблем не возникнет, – вмешался в разговор еще один участник Совета, недавно назначенный на столь ответственный пост Секретарь Федерального собрания, он указал на обзорный монитор: – Взгляните только на эти тоненькие ручки и ножки, на эту безобидную физиономию...

– Прекратить! – взорвался председатель, и говорящий вжал голову в плечи: – Я не потерплю здесь шовинистских высказываний!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.